

I.M.M.O.R.TA.L.
ИЛЪС РАЙМАНОВ

ПЕРВАЯ КРЕПОСТЬ

16+

Ильяс Найманов
Первая крепость
Серия «I.M.M.O.R.T.A.L.», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43673135

SelfPub; 2019

Аннотация

Армагеддон уже перешагнул через наши головы, оставляя за собой стерильную землю и воздух. Только там, где он начинался, практически в эпицентре все еще остались выжившие. Разбитые остатки регулярных войск, укрытые глубоко под землей, случайные люди, которых становится все меньше и меньше, техника и воскресшие, способности который теперь как никогда нужны людям. Гнус, в поисках жизни непременно вернется на те места, где все еще есть хоть что-то способное поддержать его собственное существование. Какие решения будут приняты? Смогут ли живые, роботы и мертвецы удержать свои границы?

Содержание

Глава 1. Жукотки	4
Глава 2. Восточный пост	18
Глава 3. Жмот	42
Глава 4. Северный пост	58
Глава 5. Перемены	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Жукотки

Серое, затянутое тучами небо проглядывало через криво забитые горбылями узкие, высоко расположенные окна длинного помещения. Несколько деревянных коробок, посыпанный соломой пол и выветрившийся, но все еще присутствующий запах коровьего навоза. Звук человеческой речи за стенами, запах костра. На отдалении хрипела болгарка, а в тот момент, когда она замолкала, было слышно приглушенное тарактенье бензинового генератора. Резкий визг болгарки заставил Якова проснуться и недоуменно соображать, где он. Сам он лежал на матрасе, который, в свою очередь, лежал на деревянных нарах, поверх него было наброшено старое ватное одеяло с разводами высохших пятен, припалинами и несколькими дырами, откуда торчали куски посеревшего от пыли хлопка. За его головой было слышно сопенье спящего человека. С некоторым трудом вывернувшись, чувствуя слабость в теле от долгого сна, он обнаружил спящего глубоким сном Сагитая. Губы бойца спеклись от обезвоживания, черная щетина пробила смуглую кожу, а глубокое мерное дыхание говорило о здоровом сне. Оружия и брони при них не было. Странно, почему их разместили в бывшем коровнике? Но в любом случае большое облегчение, что теперь они должны быть в относительной безопасности, хотя пистолетик бы или какой-никакой нож не помешал. Похло-

пав себя по лицу, чтобы стряхнуть с себя дурацкое оцепенение, он сел. Тут же слегка закружилась голова, и жажда бешеным слонем затрубила в голове. Яков встал и неверной походкой двинулся к дверям, которые он еще не видел, но которые должны были быть в середине каждой стены. Определенно они были в опустевшем коровнике. Не просто опустевшем когда-то давно, а недавно, может быть, несколько месяцев назад, поскольку запах скотины еще держался в стенах строения. Деревянный пол, очевидно, снесли и выгребли трактором, поскольку линия доски была видна на стенах. Точно можно было сказать, что они не в Зоне. Там таких строений нет.

Наконец он дошел до двери, сделанной не огромной двустворчатой воротинной под скотину, а под стандартный дверной проем. Он открыл деревянную дверь и с облегчением вдохнул полной грудью свежий прохладный воздух. Несколько человек повернулось к нему. В полном вооружении, при броне. Костер, разведенный на земле, дрожал яркими углями, серое, затянутое расплывчатыми облаками небо не давало понимания о том, какое сейчас время. Либо начало вечера, либо конец утра. Несколько защитного цвета палаток стояло напротив, пара военных внедорожников и гражданский автобус с выбитыми стеклами салона.

– Очнулся? Иди к нам! – послышался голос одного из бойцов.

С трудом соображая, кто есть кто, Яков дошел до костра и

плюхнулся на освобожденное для него место. Бойцы внимательно смотрели на него. Один из них, вооруженный мечом, часть лица которого украшала татуировка, вылезшая из-под воротника на левую щеку, прищурился, вглядываясь в лицо Якова. Его Яков помнил, это не самый давний, но все-таки уже достаточно давно знакомый сталкер Зима.

– Пить, – прохрипел Яков.

Ему тут же подали флягу с водой. Яков присосался к ней и жадно пил большими глотками. Только теперь он услышал, что шум в ушах, который сопровождал его с момента пробуждения, начал отступать. Посмотрел еще раз на мужиков, стоящих напротив него. У одного был подбит глаз, у другого распухли щека и бровь, у третьего разбита губа. Даже у Зимы была ссадина под глазом.

– Что-то вы помятые такие? – не особо соображая, сказал Яков.

– А ты не помнишь? – вопросом на вопрос ответил Зима.

Яков посмотрел на свободовцев. Шесть человек. Четверо из них в стандартной для их клана броне. Еще пара бойцов, вытирая руки, идет к костру со стороны, откуда ранее раздавались звуки болгарки.

– Не... – покачал головой Яков и только сейчас почувствовал, что и его губа побаливает и немного припухла.

– Какой же ты хороший, когда в себе, – улыбнулся Зима. – Мы вас, как дорогих гостей, раздели, обтерли, в палатку на мягкое положили, а ты прочухался – и давай с нами драться.

– Я?! – выпучил глаза Яков.

– Ну, не я же... Мы тебя по-хорошему, хотели и покорить, и попоить, да ты даже слова сказать не захотел, сначала Курыча огрел, потом Яшку, потом за меня принялся, – Зима показал на небольшую ссадину. – Пришлось скатать тебя и друга твоего и в коровник, от греха подальше.

– А что, Сага тоже... того... – Яков виновато глянул на мужиков, – это...

– Нет. Сага порядочный, он спал всю дорогу. Это ты у нас, оказывается, с прибабахом, – улыбнулся Зима, не скрывая облегчения. – Ну, ладно, вроде в себе. Есть хочешь?

– Я? Конечно! – оживился Яков. – Вы уж меня, мужики, простите, это все нервы и химия... она же мозги, это самое... – покаялся он, глядя на результаты своего рукоприкладства.

Сталкеры заулыбались, поняв, что боец действительно отличает явь ото сна и других бед от него ждать не придется.

– Ладно, чего уже...

– Бывает...

– Мы и не таких отпаивали... – раздался голоса.

Кто-то прихлопнул по спине, кто-то пожал руку. Через мгновение над углями появилась металлическая прокопченная решетка, на которую положили несколько кусков мяса. Якову подали стакан, в котором на одну треть, судя по запаху, была налита совсем не вода, загремели пододвигаемые ящики, которые служили стульями. Зашипели первые кап-

ли жира, вытапливаемого из сочных ломтей на горячие угли. Появился Коваль, обрадованно прикрикнув, он обнял Якова. На лице у того не было следов рукоприкладства, поэтому Яков с облегчением обнял и его, похлопав по спине.

– Здоров махать, – шутливо пожурил он бойца. – Был бы сталкером, стал бы Ломовым, а пока ходить тебе по паспортным данным.

– Да я же не со зла, я и не помню ничего, – оправдывался Яков.

– Ладно, ладно. Оно и понятно, что в пограничном состоянии уснул. Ничего, – успокоил его Коваль, садясь справа рядом.

Ему тоже подали стакан, который он перехватил, оттопырив в сторону мизинец. Сталкеров стало больше, уже человек двенадцать. Они подходили, здоровались, кивали, встречаясь взглядами. Коваль встал и приподнял стакан.

– За встречу! За выполнение задания! За удачу!

Дружно поддакнули сталкеры. Звякнули стаканы, и Яков, запрокинув в себя белую, с чистой совестью выпил до дна и закусил хлебом. В голове прояснилось, запаха водки он как будто не почувствовал, хотя неприятное горькое послевкусие осталось. Яков уставился на угли, приходя в себя от небывало долгого сна. Большая часть свободовцев поприветствовали бойца, но тут же разговорились о какой-то поломке и ушли. У костра остались четверо. Яков, Коваль, Зима и здоровый лысый сталкер в долговской форме, но с отпороты-

ми шевронами, по кличке Орех. Орех ладно переворачивал мясо на решетке, на ящике располосовывал овощи и зелень, солил, перчил. В умелых движениях ножа и гипнотической последовательности действий чувствовалась рука человека, любящего и умеющего делать шашлыки, салаты и вообще возиться на кухне. Коваль молчал, осторожно поглядывая на Якова, словно пытаясь что-то понять о нем. Татуированный Зима сидел слева от Якова, в его сторону легкий ветер относил незначительный дым, который не особо беспокоил сталкера. Он переводил глаз с начинавшего поспевать мяса на Якова и как будто немного нервничал. Понимая, что ситуация чуть более напряженная, чем должна быть, Орех первым нарушил молчание:

– Я вот готовить люблю. Еще когда при «Долге» был, всегда за шашлыки отвечал, – негромко сказал он, нарезаая картошку в огромную кастрюлю, очевидно, предназначенную для вечернего ужина или обеда всей команде. Метрах в пяти стояла и уже запылала яркими языками пламени сваренная из железных листов печь с отверстиями под котлы.

– При «Долге»? – переспросил Яков, очевидно, понимая, что говорится в принципе для него и надо что-то сказать в ответ.

– Да... Я на Янтаре служил, там и Дока видел часто, и вас потом пару раз. Потом, как эта вся история началась, нас и помяло очень, и вообще меня вон сталкеры из-под гнуса вывели. Там я как-то перезнакомился с одним, вторым...

ладные ребята оказались, не разбойники вовсе. Да и вообще сейчас против гнуса всем вместе держаться надо, Терек так и сказал, что помогли нам «зеленые» крепко и прежней войны уже не будет, решайте, мол, бойцы сами. Я вот и решил...

– Правильно решил, Орешек, – похвалил его Зима. – У нас пострелять и поработать есть кому, а вот доброго мясца или картошку по-домашнему пожарить – это поискать надо. У нас тут в Жукотках повар аккурат в команду вписывается.

– Где? – вышел из оцепенения Яков.

– В Жукотках, – охотно ответил Зима. – Станция такая на восемь дворов, как раз по железке, что Чернигов с Овручом по прямой связывает, имеется. Вон там, – он указал чуть за левое плечо на северо-запад, – местечко Гирманка, минут пять ходу. Ох там и жирный гнус топтался. Вон там, – сталкер указал большим пальцем по правую от себя сторону, – и Ленков Круг, чистое место. Минут десять ходу. А там уже, – он указал пальцем вперед от себя, – Чернигов.

Яков внимательно проследил за жестами объясняющего ему местоположение сталкера и посмотрел на небо. Точное местоположение солнца из-за застеливших все небо туч определить было нельзя, но, по крайней мере, теперь он смог понять время суток.

– Так что, сейчас утро, что ли? – с недоверием спросил он. – Это сколько же я спал?

Громко треснула палочка в руках Ковалья.

– Шестнадцать часов, боец, – сказал Коваль, – и я, при-

знать, давно жду, когда ты в себя придешь. У нас с тобой столько дел. Про робота помнишь? Как их настраивать, чтобы они белых не били?

Соображать быстро все еще Яков не мог, и по его лицу было видно, что он почти понял, о чем идет речь, но маленько не хватило.

– Воскресших наших, – помог ему Коваль. – Мы их «белыми» зовем, мол, «Свобода» – зеленые, а землячки наши, которые с того света вернулись, – белые.

– А-а-а... – протянул Яков, понимая. – Ну... – в голове завертелась картина рычажков, мигающих красных и зеленых диодов под лючком в ходовой тележке поискового робота. Беззащитный перед дулами крупнокалиберных пулеметов Док... жестокая драка с гнусом, безжалостный локоть врага на кадыке и колкая резь в горле, словно в нем разбили стеклянную бутылку... химера... Королева... Яков зажмурил глаза и кивнул, бессознательно опасаясь хруста в чудом не сломавшемся кадыке. – Помню.

Коваль с явным облегчением выдохнул. Его лицо посветлело, а карие глаза радостно сверкнули. Он бросил две половинки сломанной палочки на угли и кивнул Ореху.

– Ну, что стоишь, Орешек? Давай, наливай да потчуй. Вон то готово уже... – Коваль чуть наклонился вперед, собираясь встать.

– Ага! А ты что, командир, не будешь? – спросил Орех, доставая из недалеко стоящего низкого ящика бутылку вод-

ки и пузырьки с приправами.

– Я? – Коваль замер, раздумывая. – Нет, не до этого. Я пойду оборудование приготовлю. Зима, отобедаете – бойца ко мне в мастерскую. Только вы не сильно того... – он кивнул на бутылку водки. – Чтобы оба как стеклышко.

– Обижаешь, командир. Мы только для аппетита, – заверил его сталкер, перехватывая пузырь у Ореха и ловким движением сворачивая бутылке крышку. – Да и под такую закусь...

Коваль ушел, разбудив воспоминания о недавно пережитом, пробудив в Якове тень королевы, ее сверкающие глаза, оскал хищницы, похожий на оскал ее химеры. Зачарованный воспоминанием, он пришел в себя от легкого толчка татуированного сталкера, который, коснувшись его тыльной стороной ладони, поднес стакан водки на четверти.

– Давай, братуха, по пятьдесят примем, – заботливо предложил он.

Яков немного недоверчиво посмотрел на сталкера. До этого почти единственный, кто называл его братом, был Сагитай, который спит в здании позади, но Сага был его боевым братом, где-то наставником, и был ближе, чем практически все родственники. А тут сталкер называет его братухой. Все бы ничего, да только из братьев у него только Сага, и называть кого-то другого братом у него, у Якова, никогда язык не повернется.

– Ну, давай, Зима, дрогнем, – согласился Яков, секунду

задержав на сталкере взгляд.

Тот, почуввав в голубых глазах Якова холодок, немного осекся и сам. Слегка сбавил громкость речи и кивнул, словно соглашаясь с невысказанным.

– Тут сейчас все люди друг другу братья. И живые, и что уж там говорить, и не живые. А тот, кто с гнусом воует, да еще как вы и мы, клинками гнус этот встречает, тот мне, как ни крути, самый настоящий брат.

Орех быстро порезал острейшим ножом мясо, сгрудил его в две бежевые тарелки и поставил на отдельный ящик между сталкером и Яковым. Еще одна большая тарелка с нарезанным кольцами луком была полита уксусом, поверх лука тонкими кольцами порезан жгучий красный перец, а толстыми – зеленый болгарский. Затем Орех взял большой помидор и, порхая, как бабочка, сверкающим лезвием ножа разрезал его на дольки и соорудил каемочку из этих долек. Несколько серых ломтей хлеба, брошенных в хлебную корзинку, живописно разместились там, торча во все стороны угловатыми краями. Яков и Зима невольно отвлеклись на движения повара, которые он совершал с нескрываемой любовью к поварскому искусству. Тарелка с зеленой нарезкой разместилась между двух тарелок с горячим и аппетитно пахнущим мясом, одна вилка и непомерно остро отточенный столовый нож для Якова. Сталкеру нож и вилка не подавались, так как у него, как и положено, имелся свой прибор. Все еще держа стакан в руках, Зима подмигнул Якову.

– Я же тебе говорил! Таких еще поискать. Видал, как исполняет? – гордо, словно это было и его достижение, указал он на повара. – Спасибо, Орешек!

– На здоровье, – с явным удовольствием сказал Орех, возвышаясь над сидящими и вытирая руки светлой тряпицей. Он без стеснения пялился на мужиков, чуть приоткрыв рот, ожидая, когда же они попробуют его стряпни.

– Ну, с богом! – сказал Зима и запрокинул стакан.

Едва поморщившись, он достал складную вилку и насадил пару колечек лука и зеленый кругляшок болгарского перца. Выдохнув ртом, он тщательно занюхал и положил колечки в рот, похрустывая и пощелкивая зеленью, приятно щекоча горячий пищевод соками. И только потом с чувством наколот кусок мяса и засунул его в рот, одновременно мыча от удовольствия.

– Белишиммо! – с набитым ртом произнес он. – Как всегда!

Яков улыбнулся, глядя на происходящее. Замахнув стакан, он проделал ту же процедуру, но по невнимательности зацепил, кроме кругляшков лука, еще и пару красных колечек жгучего перца. Через несколько секунд он усиленно задыхал ртом и тут же воткнул вилку в самый большой кусок мяса и торопливо впихнул его в рот, заслав туда же и полкуска хлеба.

– О-о-о! – удивленно протянул он и утвердительно покачал головой, словно обнаружил некий невероятно удивив-

ший его факт.

– А-а... – поддержал его сталкер одним звуком, обозначая фразу «...я же говорил...».

Лицо Ореха расплылось в радостной улыбке, и он, не сдерживая самодовольной физиономии, отвернулся. Он одержал очередную кулинарную победу на своем поприще, которая, возможно, и не была исторически важной, но, возможно, для Ореха, или Орешка, как его называло все больше и больше людей, была принципиально важна. Не обращая больше на двух жующих внимания, он поставил чайник на решетку и принялся колдовать в своем ящике, где, как можно догадываться, располагался его секретный поварской арсенал.

Минут через двадцать Яков уже пил горячий чай из вполне себе не походной керамической кружки. Зима несколько раз предлагал добавить беленькой, но Яков отказался. Погода продолжала быть по-осеннему пасмурной. Прохладный ветерок шевелил волосы, и если бы не горячие уголья рядом, в которые Орех подложил еще древесного угля, то без движения вполне можно было бы замерзнуть. По мере того как боец приходил в себя, к нему возвращались мысли о его оружии и амуниции. Мысль о том, что скоро он возьмет в руки свою «Леру», как он называл гранатомет с боеприпасом 25×59 миллиметров, была приятной, но гораздо более приятной, хотя совсем по-другому, как-то особо завораживающей и вдохновляющей была мысль о Лилит. Королева демо-

нов, которую он увидел вчера, была воплощением совершенства. Линии черных волос, осанка, твердость и открытость взгляда... ах, как она и ее химера убивали гнус... как она смогла излечить, не касаясь, его простреленную руку... Яков несколько раз, стараясь делать это незаметно, ощупывал место выше локтя левой руки. Именно туда попала одиночная пуля из автомата, раздробив кость и выйдя с разрывом наружу, после чего ткнулась в боковую защиту бронежилета. Выходное отверстие должно было бы превратиться в страшный кровавой мясной цветок, что и было в самом начале, но сейчас там осталась лишь бледная сетка тонких шрамов. Теперь рука была чуть кривовата и маленько короче, но если бы не Лилит, то уже сейчас он, возможно, был бы уже без руки. Такие раны вполне могут быть основанием для ампутации. Конечно, у сталкеров были и артефакты, но и они не сделали бы излечение безупречным. Затянули бы рану, заставив осколки кости капсулироваться, затянуться соединительной тканью, а новые костные массивы – стремительно срастаться и соединяться, но действительная твердость руки вернулась бы не скоро. А сейчас Яков был уверен, что на руку можно положиться. Что кость хоть и крива, но срослась в одно целое, и ударная отдача его гранатомета не будет заставляя его морщиться от боли.

Уйдя в себя, Яков не заметил, что Зима терпеливо ждет, когда тот вынырнет из своих воспоминаний и ощущений. Сталкеры – народ тактичный, уж кто-кто, а они не склонны

к дурацким шуткам вроде как спугнуть товарища или разбудить того без нужды. Товарищ, отходящий от пережитого, может на рефлексе точно зарядить свинцовой пилюлей в лоб или на всех основаниях заехать кулаком в морду, и будет прав. Вот и сейчас Зима поглядывал на застывшего с кружкой остывшего чая Якова и ждал, пока тот вернется в настоящее. Одна, две, пять минут ничего не решали сейчас. Наконец Яков вздохнул.

– Ну, что, пойдём к Ковалю, что ли? – спросил он, поймав на себе взгляд сталкера.

– Пошли, – кивнул Зима.

– За Сагой присмотрят? – спросил Яков, обернувшись на пустой проем небольшого-то, в общем, коровника, в котором они располагались последние часы.

– Обязательно.

Оставив недопитый чай, Яков поблагодарил повара, который, широко раздвинув ноги по обе стороны от большой кастрюли, сосредоточенно чистил картофель, и, поправив короткие белокурые волосы на голове, двинул за сталкером на мерный стук тяжелого молота, который давно сменил хриплое пение болгарки.

Глава 2. Восточный пост

Дорога вела вдоль нескольких едва дышащих на ладан домиков, некоторые из которых, впрочем, казались обжитыми. У одного дома возился сталкер, стирая нечто в битом алюминиевом тазике, пеня и проливая воду, у другого скрипнула дверь, и оттуда вышел небритый мужик в штанах и майке с сигаретой и зажигалкой. Сигарету он тут же прикурил и, встретившись глазами с Яковом, приветственно кивнул, а затем приподнял руку с сигаретой. Яков кивнул ему в ответ, заметив также и шнурок на шее, грузик которого уходил под майку курящего.

– И что вы так свободно ходите здесь? – удивился Яков. – Гнус же неподалеку. Найдет – выбьет всех.

Зима победно посмотрел на него.

– Не выбьет. Не дойдет. У нас посты на километры во все стороны. Ты думаешь, что, «Свобода» воевать разучилась, раз из Зоны вышла? Гнуса здесь нет почти, весь ушел туда, – Зима махнул на восток. – Там сейчас амба страшная. А тут ему жрать особо нечего, он же к людям тянется, да не сюда, где всего-то несколько десятков человек, а к городам, где тысячи, миллионы. Это же и ежу понятно.

– Понятно, да только...

Речь Якова оборвалась на полуслове. Дорожка, которая вела мимо нескольких домиков полустанка, завернула за гу-

сто посаженные яблони и уперлась в новый бескаркасный быстровозводимый ангар, откуда и раздавались звуки молота. Ангар был собран «прямо с колес», поскольку позади, метрах в пятидесяти, как раз проходила железная дорога, на которой застыл, и теперь уже, очевидно, надолго, товарный состав. Наезженная по траве автокраном колея вела вдоль состава и заканчивалась у пустой платформы, откуда, видимо, и был сгружен этот не вписывающийся в ущербную жизнь деревушки современный ангар.

Позабывший обо всех своих доводах, Яков округлил глаза и с любопытством сунул голову, а затем прошел и сам внутрь ангара. Ангар был возведен прямо на земле. Стопанная трава, которую в нормальном состоянии должна была заменить бетонная подушка, являлась полом. Конечно, это никак не было допустимо никакими нормами, но какие сейчас могут быть нормы? Длина ангара была метров тридцать, высота – под пять метров. Сводчатый потолок не имел освещения, а все электричество для освещения подавалось генератором, тархтящим в каком-то закутке. Середина ангара была отгорожена железными щитами, закрывающими от остальных место сварки, ряд свежих верстаков, ящики и просто листовое железо были хаотично разбросаны по территории помещения, что делало его похожим на полигон для тренировок поисковых роботов. Там, за щитами, слышались мужские голоса, шорох и скрип перетаскиваемой железяки, сдержанный мат. Сталкеры трудились. Отчетливо слышался

голос Ковалья на фоне остальных голосов:

– Давай, давай... еще маленько... ядрена кочерыжка, вот тут шлифануть надо.

– Ага...

– Может, болт переварить? Торчит как у коня!

– А может, крышку подогнать?

– Не... чего ее тут растачивать? Возиться только.

Возникла пауза, в течение которой было слышно, что работающие прикидывают, как лучше. Зима приподнял голову и крикнул к потолку:

– Коваль, Яков тут.

– Перекур, хлопцы, – раздался голос Ковалья, и через несколько секунд, поблескивая потом на лбу, он появился из-за щитов, вытирая тряпкой руки.

Зеленая роба на нем была свежей, но успела обзавестись несколькими сварочными припалинами, которые были хорошо видны даже в этом скудном освещении.

– А-а-а, отобедали? – довольно сказал он. – Та-а-к... теперь, Яков, – он прихлопнул бойца по плечу, – я тебе буду рассказывать, а ты слушай. Готов?

– Так точно, – ответил Яков, крутя головой, выхватывая странного вида элементы брони, громоздкие соединения и вырванные откуда-то электронные потроха. Уж очень много что привлекало его, как фаната оружия, внимание.

Коваль достал сигаретку и, предложив ее также и Якову, который отказался, прикурил и, выпустив дым из-под усов,

подошел к одному из ящиков и оперся на него.

– Сейчас у нас ситуация какая, Яков? – задал он вопрос, после чего сделал образный круг рукой с сигаретой. – В мире?

– Как какая? – не понял боец. – Хреновая.

– Хреновая – это даже не показатель. Ты понял, что Армагеддон уже прошел? Что больше всего живых людей на квадратный километр – это здесь, на восток от Зоны? Нас всего несколько сотен сталкеров из Зоны и несколько сотен местных, всяких разных, которым просто повезло.

– Ну, может, и там тоже будут гражданские, – предположил Яков. – Выживут, спрячутся.

– Там? – усмехнулся Коваль. – На восток чем дальше, тем больше гнуса, тем плотнее он идет, тем меньше шансов от него спрятаться. На запад – радиоактивная пыль и горелая земля. Ни еды, ни воды. Может, кто-то и остался в убежищах, но сидеть им придется долго. У нас тут от радиации относительно чисто, Зона каким-то образом ее перехватывает, но ее уже больше ничего не держит. Ни кордоны, ни солдатики, понимаешь? Но Зона – это хорошо, она нам защиту от всего дает, главное – дурака не валять, – Коваль вздохнул и выпустил струю дыма вниз, коротко задумавшись о чем-то. – Мы сейчас имеем что? – спросил он.

– Что? – не понял Яков.

– Мы сейчас имеем немного времени. Гнус обойдет шарик, стукнется друг о друга – и что потом будет делать?

– Что будет делать? – открыв рот, опять переспросил Яков.

– Пойдет обратно. Пойдет туда, где еще есть жизнь. Но если отсюда шли десятки тысяч, то назад пойдут сотни миллионов... понимаешь?

Яков выдохнул от внезапно нахлынувшей слабости и оперся на стоящий рядом верстак. В голове зашумело, уши стали горячими, а мысли бросились врассыпную, пытаюсь представить, что такое одновременно миллион единиц гнуса на этом полустанке. Представить не получалось, но картина тел, стягивающихся со всех сторон к единственному светлomu пятну ангара, пусть и нечеткая, порезанная безумием и отчаянием, холодила сердце и вызывала дрожь в руках.

– Когда? – сипло спросил Яков.

– Когда они придут сюда? – уточнил Коваль. – Я не знаю, никто не знает. Может, через месяц, может, через два, а может, через неделю... Одно ясно: когда процесс их возврата начнется, их будет не остановить.

– А что тогда делать?

Коваль выкинул окурок в траву у ног и наступил. Брови сошлись вместе, глаза превратились в щелки.

– Два варианта. Первый – это спрятаться и пережить их всех под землей. Забиться под камни, в шахтах, на километры вниз. Завалить выходы, входы, приготовиться жить там несколько лет. Но тогда, когда мы выйдем на свет, мы увидим, что на поверхности нет ничего. Ничего невозможно бу-

дет вырастить. Земля здесь и в Зоне будет мертва на сотни метров в глубину. Ни травинки, ни деревца, ни насекомых, ни бактерий, и мы просто сохнем с голоду, сожрав в итоге друг друга. Мы станем почти такими же, как гнус, только не сразу, а сначала предав Зону, потом – друг друга, потом – себя... Либо второй вариант, – Коваль поднял голову, его глаза сверкнули. – Упереться пятками в землю! За каждый метр, за каждый кусок земли, за каждую травинку, за себя, за товарищей, за все живое! – Коваль на секунду стал словно вырезанным из камня. – Сталкеры сделали выбор, Яков! Скажи, что думаешь ты?

Яков сглотнул слюну. Дыхание стало ровным и спокойным. Руки вновь сильными, а воздух – легким. Решение было очевидным и само собой разумеющимся.

– Я с вами, – ответил он. – Что нужно делать?

– Я и не сомневался, – кивнул Коваль. – А делать нам нужно многое. У нас есть воскресшие. Они чувствуют живых и неживых не хуже, чем гнус, но их мало... сотни две-три, будут еще, но не сразу, – Коваль отодвинул Якова от верстака, на который незаметно оперся боец. – Вот, смотри, что у нас есть.

На двухметровом в длину верстаке, окруженном коробочками с разными мелкими болтами, заклепками и карабинами, лежала матовая двухметровая полоска стали шириной в десять и толщиной в сантиметр. Коваль включил лампу, которая была установлена над этим верстаком. Одна из сторон

полотна была заточена под зубило, а вторая была заточена достаточно остро, пусть не так, чтобы порезаться сразу, но если надавить и провести ладонью, то располосоваться можно было бы уверенно.

– Что это? – не понял Яков.

– А на что похоже? – усмехнулся Коваль.

С одного конца полоска стали сходилась в острие, а другая выходила в кругляк, на котором нарезалась резьба. С виду это изделие было похоже на чудовищный меч, который нормальный человек разве что смог мы оторвать от земли, но не более.

– Это, мой дорогой Яков, – Коваль сделал паузу, – наша грубая сила, наш ответ на валдарнийские танки. Знаешь про таких?

– Видел так же, как и тебя, – без тени улыбки ответил Яков.

Коваль пристально посмотрел в глаза собеседнику.

– Верю, – сказал он. – Пойдем покажу.

Он пошел в сторону двухметровых металлических щитов. Яков проследовал за ним. Обойдя ряд здоровых ящиков, они вошли в отдельный проход, где прямо на полу, которым на этот раз служил толстенный лист стали, прямо под несколькими заливающими светом «операционный стол» лампами лежал странный экзоскелет. Вокруг стояло несколько бойцов «Свободы» в робах, о том, что это были сталкеры, можно было догадаться по лежащим неподалеку характерным дву-

ручным коротким мечам и автоматам Калашникова. Но вернемся к экзоскелету. В принципе, экзоскелеты были в эксплуатации у сталкеров давно, к ним Яков уже привык и даже знал на уровне любителя, что и как в них устроено. Обычно такие изделия улучшают в сторону комфорта пилота, в сторону облегчения веса, уменьшения громоздкости и увеличения скорости экзоскелета. Но этот образец был сделан, прямо скажем, в другом направлении. Непомерно длинные и мощные соединения ниже локтя, усиленные бронепластины, наваренные с зазором поверх основной брони, огромная голова, закрытая толстенными композитными бронезементами, удвоенное количество газогидравлических силовых цилиндров, притом что вся система жизнеобеспечения была выдернута и лежала рядом, небрежно скинутая в кучу. Было еще множество наружных усилений и укреплений, которые делали данное изделие похожим на распоротого и препарированного рака или краба. Даже подкладка была выдернута и удалена, обнажив металлическое нутро брони. Представить себе, что в этом можно находиться целый день или даже полчаса, было сложно, а уж говорить о том, чтобы сражаться, находясь в этой пусть чрезвычайно прочной, но крайне неудобной скорлупе, было невозможно.

Заметив растерянный взгляд Якова, Коваль улыбнулся и прихлопнул его по плечу.

– Не дрейфь, служивый, это не для живых. Это для воскресших. Вот стоит Добрыня, познакомься, – кивнул Коваль

в сторону одного из мужиков.

Яков присмотрелся, и холодок пробежал по спине. Мертвец. Да, он не определил его сразу, потому что все внимание было на экзоскелете, но сейчас, встретившись взглядом с высоким, чуть ниже Якова мертвецом, глаза которого отражали цвет ламп особенным полированным блеском, он понял, кто это.

– Яков, – автоматически сделал пару шагов навстречу и протянул руку.

Мертвец спокойно пожал ее, не издав ни звука. Рука была теплой и мягкой. Немного похожа на стариковскую, оттого что слишком сухая... или...

– Он не говорит почти, сипеть может. Трудно ему. Вон, видишь, что с горлом, – сказал вместо него Коваль.

Яков присмотрелся: мертвец спокойно повернул лицо в сторону, показав горло, которое представляло собой страшную прижизненную рану. Разорванное и сросшееся грубыми шрамами, покрытое новой серой кожей. Яков вспомнил свою первую встречу с мертвецами. Тогда их язвы и дыры закрывал собой вирус, серым телом попеременно с делящимися произвольно клетками латающий носителя настолько, насколько позволял доступный для мертвеца рацион питания.

– Собаки его порвали. Горло перегрызли, потроха вынули, не все, но все же. Юрок их всех выходил. Даже таких, – Коваль вздохнул. – Ладно. Что имеем по сухому остатку? Белым пить и есть, после того как они в норму придут, прак-

тически не надо, как люди, они не спят, бывает, уйдут в себя ненадолго, но чужих не пропустят. Дышать им тоже не часто приходится, температуры не боятся, поэтому всю начинку убираем, освободившееся место – под другие нужды. Задача – останавливать и уничтожать валдарнийцев. Веса у биотанка за тонну, за полторы, может быть, соответственно, и нам легкими быть нельзя. Приходится, чтобы такую тушку таскать, и энергоблок поднарастить, почти двойной мощности ставить, но это для нас не проблема. Броня лишней не будет, все, что можно повредить, – под разнесенную броню. Композитами не брезгуем, ведь стрелять в него могут и кумулятивом. Если в тело прошьют, не беда, главное, чтобы мозг уцелел, поэтому для головы делаем дополнительную конструкцию, съемную. Он, правда, в ней не видит ничего, но они могут и без зрения отличать, где свой, где чужой, так что ничего страшного. А вот ножичек, который ты на верстаке видел, – это для него. Большому мальчику – большие игрушки. В теории, получается, у гнуса остановить такого красавца сил не будет, разве что трупами закидать, но белые парни не глупые. Мы им порядком костюмчиков наклепали, бронелистов, композитов, оружия и прочего у нас хватает.

– А откуда это все? – задал возникший уже некоторое время назад вопрос Яков.

– Тут просто все. Еще когда гнус на Европу только шел, Якорь смекнул, в чем дело, что и как будет. Вот и заказал он тогда в обмен на «мухи» целый состав и брони, и ору-

зия, и припасов, и инструмента всякого, даже ангаров сборных несколько. Деньги-то нам зачем? Особенно когда понятно стало, что Большой Земли не будет, – Коваль внимательно посмотрел на Якова. По его лицу было непонятно, расслышал ли и понял ли он последнюю мысль Ковалья. – Состав до пункта назначения не дошел. Хорошо еще, что смогли быстро его отправить, неделя всего понадобилась, чтобы нашим товаром загрузить, а дизель остановился здесь, ну, а мы вокруг него теперь и разбили лагерь, мастерскую соорудили, посты на километры вокруг выставили... Так-то.

– Понятно, – кивнул Яков. – Значит, тут отбиваться будем?

Коваль удивленно приподнял брови.

– Ты думаешь, на одних экзоскелетах, мечах и пулеметах от гнуса отбиться сможем?

Яков вместо ответа пожал плечами. Он не часто прогнозировал события, особенно когда этим было кому заниматься. Его напарник – Сагитай – всегда предпочитал брать эту партию на себя, а Якову оставалась лишь роль давать подсказки и специфичные соображения, которые, как правило, Сагитай учитывал и без него. Коваль поднял указательный палец вверх.

– Вот потому, Яков, ты для нас и являешься ангелом белокурым, потому что с твоими знаниями мы к нашим братьям еще и поисковых роботов присоединить сможем. Ты не забыл, как того ПР на Дока настраивал?

– Не... не забыл, – мотнул головой Яков.

– Вот и хорошо, – Коваль тронул Якова за локоть, показывая, что им пора идти, пропуская его вперед. Яков развернулся и двинулся на выход из закутка. – А еще мужики говорят, что те потроха, которые ты из ПР выдрал, обеспечат нам связь с наблюдательным пунктом, у которого и беспилотники, и координаты других роботов есть. Верно говорят?

– Да... – подтвердил Яков, вспоминая, что действительно у него были эти платы и элемент питания на артефактной сборке. Яков не видел, что идущий за его спиной Коваль при ответе на этот вопрос зажмурил глаза и победно вознес сжатые кулаки кверху, с усилием сдержав радостный крик. – Только я не знаю, где это все... – признался боец.

– Не переживай, все у меня. Где же еще? Мы с ваших трофеев пылинки сдуваем. Лежат они у меня в тайнике. Пойдем, дорогой.

* * *

Пара наблюдателей на холме вблизи от полустанка Левковичи, что всего на несколько километров восточнее полустанка Жукотки, молча наблюдали в бинокли за серой степной далью. Одетые в серовато-зеленый камуфляж, подходивший под блеклую октябрьскую хмарь, они, вооруженные автоматами, мечами, ПНВ и просветленной оптикой, следили за своим направлением. Гнус давно ушел из этих мест. Здесь

его было мало даже в самом пике местного заражения. Большая часть живых людей уехала, как только начались бомбардировки Европы, те же, что остались, слились с заразой и, повинаясь общей воле колонии, ушли на восток, в сторону городов и все еще чистых мест. Именно потому что гнуса здесь практически не было, зеленка, лесные зверьки, птицы и насекомые, казалось, и не заметили шагнувшего через них Армагеддона. Вот и сейчас два сталкера уже второй час наблюдали, как в паре десятков метров от них, ничего не подозревая, подскакивает заяц, показывая время от времени свою серую спину среди шевелимой ветром травы. Несколько лесных массивов контролировалось белыми. Там глаза не особо помогают, а вот чутье на все живое и неживое, которое было у мертвецов, давало сто очков вперед самому острому глазу сталкера. Сталкеры были опытными следопытами и бойцами и могли часами лежать практически без движения, но и тут мертвецы были на голову выше. Быть без движения для белых было естественно, поэтому дежурство для них являлось гораздо менее утомительным занятием, чем для людей. Воскресшие могли дежурить сутками, в то время как относительная неподвижность на протяжении полусуток для сталкера здорово била по нервам, да и для здоровья в силу утренних холодов не давала никакого профита. Оба сталкера – Крыша и Ломоть – были чем-то похожи друг на друга. Оба из вольных, оба молчаливые и внутренне собранные. Морщины, появившиеся на смуглых от излучений Зоны лицах,

говорили о твердом понимании, как зарабатывается хлеб и добывается хабар в одиночку. Привыкшие изучать аномалии в Зоне часами, чтобы найти окно между срабатываниями или брешь в их густой стене, они, понимая всю важность общего дела, по очереди следили в бинокли за открывающимся пространством. В их поле зрения была северная сторона железной дороги, идущей от Чернигова, несколько километров широкой степи слева от полотна, которая ограничивалась зеленым массивом леса, в котором дежурила пара мертвецов. Южная часть железки контролировалась другой парой сталкеров из «Свободы». Сейчас уже было не принято делиться на «Долг», «Свободу» и вольных сталкеров, поскольку интересов, отличающихся друг от друга, у живых людей да и у воскресших не было. Цель была одна – не дать себя сожрать вирусу как можно дольше, а в идеале – продержаться против гнуса так долго, чтобы он сам передох с голоду, оставив живым живое. Кроме того, вернули пусть и неживым, но профильного некробиолога, Дока, который лучше всех знал про это дело, и, возможно, он сможет на корню переломить ситуацию. А сколько времени мертвецы после воскрешения переходят на свой былой человеческий уровень, не знает даже их зубастый вожак – Юрок. Несколько месяцев в среднем, в зависимости от степени порченности, так говорят...

Ломоть отложил бинокль в сторону. Глаза устали от серого неба и уходящей вдаль серой травы, сливающейся с горизонтом. Сейчас он перестал различать, что движется, а что

нет, а следовательно, нужно отдохнуть. Толкнув напарника, он перевернулся на спину и закрыл глаза. Крыша достал свой аппарат и выставился вдаль через амбразуру кустарника волчьей ягоды, в котором они находились. Некоторое время он как обычно молчал, затем цыкнул одними губами, привлекая внимание Ломтя, который лишь повернул голову, не открывая глаз, показывая, что весь во внимании.

– Вон там куст у леса, он с прошлого раза такой черный был или сейчас почернел сильнее?

Вопрос был, так сказать, риторическим, Крыша и так понял, что разница между этим черным кустом и нынешним раза в два. То есть куст на таком расстоянии вполне может оказаться и несколькими небольшими деревьями, которые скрывают за собой массив леса, также может скрывать и десятки других мертвых деревьев. Расстояние до чернеющей точки было километра два. Покидать пост было запрещено, стало быть, надо дожидаться подкрепления, а потом только выдвигаться, стараясь держаться как можно тише и незаметнее. Оставлять здесь гнус нельзя, но и убивать его там, на месте, тоже было нежелательно, потому что куча тел такого вот потерянного гнуса рано или поздно привлечет внимание и вызовет подозрения других заблудших, пришедших в себя позже других и отбившихся от основной волны. Те в свою очередь могут пойти десятками, а еще, чего доброго, прикатит валдарнийский танк, которого эти сталкеры еще не видели вживую, но пара очевидцев рассказала им и остальным

все в красках. Поэтому даже сейчас, находясь в абсолютном большинстве на местности, живые и воскресшие не могли громыхать оружием и рубить направо и налево.

Ломоть перевернулся на живот и уставился в свой бинокль в указанном направлении. Действительно, почернело больше. Как он сам не заметил? Глаз замылился... усталость. Крыша достал рацию и негромко вызвал решающего по всем операциям подобного рода сталкера Зиму.

– Зима, Зима, это Крыша, прием.

Рация сердито щелкнула. Казалось, это было оглушительно, но на самом деле после долгой тишины и полусшепота разговоров обоих сталкеров контрастный резкий звук динамика лишь казался излишне громким.

– На связи. Что у вас? – раздался четкий голос сталкера.

– Тут километрах в двух... два двести, точнее, отметина появилась.

– Большая?

– Нет. Одно-два дерева или куста. Только кроны видно, там низинка, – оценил наблюдатель.

– Понял. Сейчас вышлю, – отбил сталкер и прервал сообщение.

Крыша прикрепил рацию на место и снова уставился в пятно. Ломоть тут же опять перевернулся на спину и закрыл глаза. Ждать подкрепления нужно было минут десять. Бесшумно и быстро продвигаться по проселочной дороге, идущей вдоль железнодорожного полотна, было, как ни странно,

удобнее всего на велосипедах. Хорошо, если в подкреплении будет один мертвец, тогда можно будет быстро отыскать гнуса. Хотя днем белый и не сильно нужен, но все равно гораздо спокойнее, когда такой рядом. А вот ночью помощь белого брата просто неоценима. Приборы ночного видения, конечно, дают картину поля, но, когда белый ведет тебя не просто к цели, а говорит, сколько там гнуса и как лучше обойти, сколько метров до цели, тут поневоле позавидуешь его чутью.

Минут через десять послышался шорох травы. Шаги четкие и осторожные. Даже не оборачиваясь, можно понять, что идут живые, ориентируясь на конкретный куст. Мертвецы идут не так четко, но очень тихо, они словно идут с закрытыми глазами. А вот гнус идет рваными. То припустит, то остановится, словно задумавшись или притаившись, прятать шаги не умеет, потому что в основном почти весь гражданский. Мало того что гражданский, так еще и незрелый, часто не очень понимает, что вокруг происходит, путается, сомневается, но это покуда он еще молодой в своем перевоплощении, а когда несколько суток после пробуждения пройдет, так он уже не сомневается, но шаги прятать все равно не додумывается. Дежурившие сталкеры аккуратно отползли назад, чтобы не демаскировать позицию. Бывший долговец Лом, он же по совместительству и какой-никакой врач, и еще один вольный по кличке Сеня ждали их в нескольких метрах позади. Оба в защитных комбинезонах, при оружии.

Лом, длинный и жилистый, вооружен СВД, перемотанной камуфляжной лентой. Оружие не сказать, что нужное в нынешних условиях, но Лом почему-то предпочитал снайперку автомату. Сеня, как и положено сталкеру, с дробовиком, работает хоть и накоротке, но наверняка. Мечи давно стали неотъемлемой частью бойцов, поэтому их наличие было обязательно даже при походе в туалет, не говоря уже о выходе на точку. Шлемы, разгрузки, фляжки и молчаливость, даже мрачность, – пожалуй, эти вещи были обязательны для большинства сталкеров, будущее которых определялось несколькими неделями наперед или того меньше.

Перекинувшись знаками, Лом и Сеня залегли на пенку в кусты волчьей ягоды, а Крыша и Ломоть заложили широкую дугу, чтобы незаметно выйти к лесу, а оттуда вдоль самой кромки поля, находясь постоянно на виду у своего поста и одновременно просматривая ближайший лес, идти к отметине. Через полчаса обе фигуры появились в поле зрения наблюдателей. Лом, установив СВД в боевое положение, следил за сталкерами через оптику, а Сеня, приподнявшись чуть выше, в бинокль осматривал черную шапку куста, которая уже начала терять свою листву.

Осторожно перешагивая кусты дикого мелкого шиповника, стараясь не наступать на ветви и одновременно успевать смотреть во все стороны, Крыша с неудовлетворением понимал, что для гнуса бесшумность передвижения человека не имеет особого значения. Он все равно его почувствует

с сотни метров, а то и больше. Бесшумность нужна, чтобы не привлечь, возможно, и других зараженных с большей дистанции. Гнус пока что не частый гость, скорее, залетный, но ведь это все временно, и чем больше времени проходит, тем меньше его остается до тех пор, пока гнус не начнет валить стеной, уничтожая все живое на десятки и сотни метров вокруг себя и в воздухе, и в глубине земли. Ну, вот и приметные почерневшие кусты. Действительно кусты. Теперь уже не определить, какие именно, листья облетели, кора потемнела, ссохлась и полопалась, а кое-где начала облазить лохмотьями, обнажая белый луб. Не приближаясь, сталкеры осмотрели место вокруг куста. Все чисто, следов нет. Гнус мог «обесточить» дерево, находясь на расстоянии, но далеко уйти не должен был. Незачем. Сталкеры переглянулись. Придется поискать того в лесу, походить по хвойной подстилке, где все коричневое и рыжее, почти как морды зараженных, если не найдут, то вызывать белого, иначе... иначе мало ли что. Якорь, лидер всех объединенных теперь группировок, ясно дал понять, чтобы геройства и ныряния в омут с головой не было. Каждый человек на счету – и живой, и мертвый, только полумертвый гнус без счету...

Лес был немолодой, большей частью хвойный, а потому среди стройных, тянущихся кверху сосен и иногда других деревьев пространство было свободно. Чахлые деревца осины или отпрыски сосны кривоватыми, едва живыми прутиками изредка вылезали из хвойной подстилки. Но их шансы

превратиться во взрослое дерево были ничтожно малы, разве что стоящий рядом с ними грозный сосед однажды вдруг сложит с себя полномочия супостата, загораживающего свет, и рухнет вниз, с шумом ломая стволем еще несколько загораживающих солнце ветвей.

Ломоть, указав автоматом на черное дерево в глубине леса, двинулся в его сторону, следом за ним шагнул и Крыша. Сосна была съедена гнусом. Черные иголки редким безмолвным дождиком падали вниз, а кора, будто обдтая жаром, потемнела, ссохлась, вспучилась волдырями и отошла от луба. Еще дальше целая выжженная поляна, и в ширину, и в глубину. Тут гнус пообедал как следует. Сталкеры замерли у круга. Круг был безопасен, в нем не было ничего, кроме черно-бурого тлена растительности. Полная, мертвая тишина. Такое ощущение, что даже безмолвные деревья боятся спрятавшегося между ними пятнистого получеловека. Кто знает, возможно, деревья действительно его боятся. По коже сталкера Ломтя пробежал холодок. Гнус принялся за него, и если бы не висящий на шее артефакт, то он бы сейчас превратился в стонущую и иссыхающую мумию, а его друг наверняка был бы лишен сознания и заражен, хотя, как знать, могли заразить их обоих. Ломоть указал пальцем себе на грудь, в то место, где находился артефакт. Напарник понял – гнус взялся за его напарника. Наверняка он видит, что делает, по крайней мере, одного из них. Крыша убрал автомат за спину и выпрямился, демонстрируя максимально непринужден-

ный вид. Ломоть последовал за ним, оба подняли руки, показывая, что не собираются применять оружие. Холодок на коже Ломтя сошел на нет, и в последнюю секунду, когда мороз отпускал сталкера, последней точкой, ощущавшей воздействие, было правое плечо. Сталкер повернулся в ту сторону и сделал несколько шагов в выбранном направлении. Где-то на грани восприятия нечто неявное шевельнулось за одним из дальних стволов. Сталкеры двинулись в том направлении, не скрываясь больше и не доставая оружие. Мечи, сделанные Ковалем из вертолетных лопастей, торчали рукоятками из-за плеч и могли использоваться в любую секунду, но сейчас самозащиты не требовалось. Гнус был один и был обнаружен.

Немного разойдясь в стороны, они уже четко видели прижавшуюся к стволу человеческую фигуру в серой куртке. Гнус не убегал, и это было очень хорошо, они редко убегают от сталкеров, поскольку не понимают, с кем имеют дело. Приблизившись на расстояние пяти метров с каждой стороны, они остановились, держа руки на виду.

– Здорово, земляк, – негромко сказал Крыша.

Гнус резко обернулся к нему. Желто-коричневые глаза, залитые словно йодом белки, пупырчатая в неровных коричневых пятнах кожа лица, щетина... Мужчина, вернее сказать, парень. Не особо крепкий и, по всему видно, не пришедший в себя. Серая ветровка с капюшоном, на ногах спортивные черные шорты с лампасами «Адидас», некогда белые кроссовки. Возможно, спортсмен с пробежки, подкараулили

его такие же, как и он, потерявшиеся, освоили... С таким повнимательнее надо, может быть, бегают быстро, если рванет, так и не догнать будет, хоть арбалет заводи.

– Откуда ты? – спросил его Крыша, не делая попыток приблизиться.

Коричневые губы гнуса зашевелились, обнажая желтые зубы и красно-коричневые десны, словно рот был залеплен цементом и он не мог открыть его. Сталкер терпеливо ждал. Он заговорит, они почти всегда могут сказать что-нибудь, если добровольно. Наконец напряжение на лице гнуса спало, и он, вспомнив, как это делается, с хрипом вдохнул воздух и, выпустив желтую пену изо рта, ответил:

– Чернигов.

Чернигов. Этого стоило ожидать. Оттуда часто приходят одиночки. Скорее всего, они выходят оттуда во все стороны, и только те, что идут из города на запад, попадают на эти посты. Их и невозможно было бы выследить, если бы не отметины, которые они оставляют на всем живом, превращая живое в мертвое.

– Один?

Гнус кивнул. Не верить ему оснований не было. Насчет вранья их никто не проверял, но обманывать они как будто никого и не пытались. То, что гнус входит в контакт, означает, что уже можно сближаться.

– Как зовут? – спокойно спросил сталкер, приближаясь на пару шагов.

– Олег, – ответило существо и кивнуло, словно соглашаясь само с собой.

– Олег, ты себя в зеркало видел? – задал вопрос Ломоть, который также приблизился на пару шагов с той стороны.

– Нет... а что? – растерянно ответило существо, резко переводя взгляд на говорящего сталкера слева от себя.

– А ты посмотри на руки свои, на ноги, – предложил Ломоть.

Гнус поднял руки и уставился на них так, словно видел впервые. Безобразные коричневые пятна на коже, на ладонях вызвали у него искреннее недоумение. Завладевший телом вирус не трогал участки мозга, отвечающие за самоидентификацию. Зараженный сохранял память, привычки и индивидуальные черты характера носителя, по крайней мере, первое время, если это приносило какой-то профит колонии вирусов, завладевшей телом и личностью. Олег потер пятно на одной руке, потом уже ногтями попытался содрать его, но плотная кожа не поддавалась. На лице у парня мелькнул нешуточный испуг.

– Что это? – вскрикнул он.

– Тс... спокойно, это лечится, – уверенно ответил Крыша.

– А что это? – уже чуть более спокойно еще раз спросил парень.

– Это болезнь, Олег. Вот видишь, у нас есть маски, чтобы не заразиться. Мы их сейчас наденем и подойдем к тебе. Понятно? – сказал Крыша, опуская пластиковый прозрач-

ный щиток со шлема. ПНВ случайно опустился на маску, на мгновение превратив лицо сталкера в угрожающую гримасу киборга. ПНВ тотчас был убран назад, но общая картина доверительного общения слегка смазалась.

Гнус ничего не ответил. Только тень недоверия мелькнула на его лице.

– Мы тебя отвеем в больницу к другим людям, там есть и такие, как ты, с пятнами, а есть и без пятен совсем. Здоровые. Парни, девки, кровь с молоком! Залюбуешься. Всех лечат, – пообещал Ломоть, приближаясь еще ближе.

– Точно?

– Ну, а как же... ты хоть помнишь, как в лес-то попал? Как из города уходил?

– Я?.. Плохо помню, мне плохо было, в городе совсем пусто, нет никого почти, а в лесу легче... Меня вылечат?

– Обязательно, Олег. Мы для того тут и находимся, чтобы таких горемык, как ты, вовремя в больницу отправлять, – уже совсем спокойно сказал Крыша, подходя вплотную. – Мы тебя трогать не будем, болезнь – она заразная, сам понимаешь. Только дорогу будем подсказывать, а ты иди, как мы скажем. Хорошо?

– Хорошо... куда идти?

Глава 3. Жмот

Коваль открыл дверь одного из сараев, и проникший в темноту, пахнущую соломой и куриным пометом, свет осветил тусклые корпуса поисковых роботов. Частично обгоревшие, замазанные грязью, черной высохшей кровью гнуса, с заклинившими манипуляторами и поврежденными пулеметами. Всего шесть ветеранов быстротечных и жестоких боев, в которых не осталось выживших со стороны людей.

Яков вздохнул, оглядывая железо.

– А наш, который с нами был, сюда привезли? – спросил он.

– Нет. Ваш отмечен на карте, но забирать не стали. Далеко, и беспокойно в тех местах. Если бы задержались, неизвестно, что бы еще случилось, – ответил Коваль, заходя внутрь сарая.

– Да... – окинув взглядом жалкие корпуса, вздохнул Яков. – Погорельцев, наверное, и не восстановить?

– Ты знаешь, нет. Машинки прочные и простые. Проводка, конечно, у них от перегрева оплавилась и покоротила вся, но контрольные платы целы. Из чего сделаны, непонятно. Если бы они в аномалию попали, тогда да, оттуда бы живыми не выехали, а тут всего лишь бензин погорел, – Коваль пробирался внутрь помещения, бывшего курятника, аккуратно перешагивая какие-то еще валяющиеся на полу железки. –

Это же на основании прототипа, который у нас в Зоне отработывал. Там нежная техника работать не может, а это рабочая лошадка, ей только проводочки да обвес подновить – и все, – Коваль достал карманный диодный фонарик-карандаш и осветил один из ПР, прикидывая что-то свое. – Вначале мы их сдуру прятали, опасались, чтобы с воздуха заметно не было... вот этого возьмем. Не знаю, как этим чертям удалось ему манипулятор оторвать, видать, толпой навалились и ломami взяли... хотя как тут можно ломом? Ума не приложу, но ладно. Сейчас это уже неважно. Главное, не горелый, пулеметы пусты и на ходу. Ребята его в деревушке одной нашли, катался там по черноте.

– Безопасен, значит?

– Типа того, – согласился Коваль и достал рацию. – Тос, давай приоденься и вытащи нам игрушку, заодно и Добрыню предупреди, что на проверку пойдет, – скомандовал он в рацию.

– Что, ПР-ки запускать будете? – раздался довольный голос из рации.

– Будем, будем. Давай, пошевеливайся, – спокойно ответил Коваль.

Минуты через три слышались тяжелые шаги мощного боевого экзоскелета. Стандартный полный экзоскелет группировки «Свобода», с вытравленной на грудной пластине эмблемой в виде оскаленной волчьей морды, был чуть выше двух метров и широк в плечах. За спиной у него также тор-

чала рукоятка огромного тесака, но раза в полтора меньше, чем то, что видел Яков на верстаке в ангаре. Тос, находящийся внутри экзоскелета, невидимый снаружи, пригнувшись и слегка повернув плечо, чтобы не зацепить дверной проем, нырнул в темноту помещения и включил мощные прожектора, залив пространство ярким светом, ослепив людей.

– Который? – прозвучал его голос, искаженный динамиками.

– Вот этот, – указал Яков. – Дай только выйду.

Экзоскелет, пятясь задом, осторожно вышел из сарая, выпустив Ковалю, после чего снова полубоком шагнул в строевые и принялся за работу. Несколько минут он, приглушенно жужжа приводами, переставлял и передвигал ПР-ки, словно играл в свой железный тетрис. Что-то металлически лязгнуло, послышался звук проливающейся жидкости, и снова что-то скрежетнуло. На секунду воцарилась тишина. Тос соображал. Сообразил, и по полу, сдирая присохший куриный помет, толкаемый экзоскелетом на рассеянный дневной свет, появилась передняя часть ПР. Еще несколько усилий, и, толкая восьмьсоткилограммовую конструкцию, вышел и сам сталкер.

– Куда дальше? – спросил он.

– Сюда давай, – указал рукой под навес Коваль, доставая сигарету.

Экзоскелет загудел, и ПР, на этот раз не сопротивляясь, расклинившимися вдруг гусьянками легко прокатился до ши-

ферного навеса, предназначенного для машины. Теперь работа можно было рассмотреть во всей красе. Вертикальные, сидящие на одной оси башенки залиты высохшей черной кровью, выкрошенная циркулярная пила, сделанная из прочнейшего материала, способная перепилить броню, не выдержала ударов кувалды или чего-то еще. От нее остались только куцые обломки, едва выступающие из корпуса ходовой тележки. Сама ходовая тележка имела вмятины, такие же вмятины виднелись и на башенках, а пулеметы, очевидно, израсходовавшие свой боезапас, убранные роботом в короба по бокам платформы, были расплющены вместе с коробом ударами все тех же кувалд. Крепления манипулятора были разбиты. Огнемета на кормовой части робота, как на ранней модели, предусмотрено не было. С трудом верилось, что этот аппарат можно восстановить, тем не менее Коваль выбрал его, и Яков догадывался, почему. Даже если у него не получится перенастроить опознавательный алгоритм робота, то мертвецу, который будет служить индикатором настройки, ничего не угрожает. Ни быть распиленным, ни расстрелянным, ни сожженным. Коваль подошел к стоящему под навесом верстаку, выкинул окуроч и достал оттуда пару респираторов, перчатки и железные щетки.

– Давай, боец, поработаем.

Пресный полуденный ветер разогнал утончившуюся вату туч, обнажив солнце, бессмысленно осветившее пустые города и селения. Отреагировав на изменение света, зашевелил пальцами рук и принялся подниматься со своих жестких деревянных нар Сагитай. В голове было пусто и глухо. Преодолев слабость, он сел, осматривая окружающую его обстановку и себя. Зеленый, облегающий, как будто спортивный костюм, босые ноги и разбитое состояние организма, словно он бежал изматывающий кросс, а потом боролся на выживание. Ах да... оно же так и было... Страшно хотелось пить, в воздухе пахло животным, а точнее, коровьим духом, дымком и... манящими легкими нотками чая. Сагитай уловил это чутьем, и мысли завертелись быстрее. «Так, где Яков?» – была его первая сознательная мысль, затем, бросив взгляд на лежащее место рядом с собой, он успокоился. Встал и, как есть, босиком пошел к видневшемуся дверному проему, через неплотно прикрытую дверь которого пробивался солнечный свет. Осторожно выглянув, он увидел крупного лысого сталкера, сидящего к нему лицом, но не обращающего на выход из коровника внимания, и еще пару человек поодаль, беседующих друг с другом, с дымящимися кружками в руках. На автоматы, висящие поперек живота, Сагитай не обратил никакого внимания, а короткие двуручные мечи на спинах

ясно дали маркировку, на чьей стороне он очнулся. У него уже был один случай, когда он очнулся голым, привязанным к кресту, и там поначалу тоже казалось, что все хорошо... на первых секундах пробуждения.

Нарочито шумно он сделал шаг из коровника на покалывающую ноги траву. Внимание тут же переключилось на него, и оба сталкера, до этого спокойно разговаривающие, быстрым шагом двинулись к нему.

– Сагитай! – приветственно окликнул его один из них и, уже оказавшись рядом, подхватил его под локоть и повел к костру, усаживая на ящик. – Как сам, мужик? Кушать хочешь? Пить хочешь? Водки? Чаю?

Сагитай отрицательно покачал, во рту пересохло, и от небольшого перехода по легкому ветерку до костра зазнобило.

– Чаю, – хрипло попросил он, – с сахаром.

Почему-то именно с сахаром и покрепче, горячего, такого, чтобы невозможно было отпить, а когда сделаешь глоток, он еще давал о себе знать теплом в желудке. В пустом желудке. Крупный, видимо, кухонный специалист опытным взглядом оценил состояние бойца, развернулся и достал из своего волшебного ящика большую, «знатную» керамическую кружку с деревянной ручкой. Уж неизвестно, где он такую надыбал, но только в ее толстых стенках, правильных гранях и пропорциях, в ее приятном бежевом цвете и выдавшей виды деревянной ручке чувствовалось, что отпаивать

страждущих горячим чаем было ее предназначение. Налив в «знатную» кипятку, слив из металлической кружки, обернутой тряпицей, заварку, Орех бросил туда и коричневый кусковой тростниковый сахар, который он берег, наверное, для таких случаев, ткнул туда обрезанной вишневой веточкой, чтобы мешать сахар вместо ложки, и подал в руки Сагитая. Сагитай, закрыв глаза, чуть ли не со стоном пригубил.

– Уф... хо-р-р-рош, брат! – вырвалось у него, и он снова припал к краям и мелкими частыми глотками, часто и осторожно дую в сосуд, глоток за глотком ополовинил его.

Только одолев половину, он нашел в себе силы открыть глаза и перевести дух. В это время на него накинута фуфайка, а в костер подкинули пару поленьев. Встретившись с поваром глазами, Сагитай благодарно кивнул и снова припал к чаю.

Сталкеры, не вмешиваясь и не спрашивая ни о чем, присели рядом, лишь иногда бросая взгляд на бойца. Никто не будет беспокоить его, пока он не придет в себя. Правило сталкера. «Знатная» кружка наконец была опорожнена, и Сагитай протянул Ореху, жестом прося повторить ее. Орех, незаметно пододвинувший семилитровый, только что вскипевший чайник к костру, словно он мог остыть за эти пару минут, в точности повторил магическое действие по заполнению кружки напитком. Вторую кружку Сагитай уже пил с придыханием. Легкая испарина покрыла его порозовевшее лицо, силы и жизнь вместе с жидкостью возвращались к

нему. Он помотал головой, словно не веря в происходящее.

– Этот чай... этот нектар... стоил того...

Первые слова, которые сорвались с губ бойца, еще вчера ловившего рикошеты в шлем, чуть ли не выплевывавшего легкие от изматывающего бега, голыми руками убивавшего гнуса, достались Ореху. Это было высочайшим комплиментом. Орех покраснел от удовольствия, моргнул и спрятал взгляд, тут же переключившись на негромкое нарезание чего-то на доске. Сагитай выпил вторую почти наполовину, согрелся, пришел в себя и только теперь обратился к сталкерам, на комбинезонах которых виднелись далеко не новые эмблемы «Свободы».

– Где Яков, мужики?

– Здесь он, недалеко, с Ковалем, – ответил один из них.

– А-а-а... – облегченно сказал Сагитай. Думать не хотелось, двигаться тоже. Хотелось просто сидеть вот так, держа в руке тяжелую кружку с горячим чаем, чувствовать тепло костра, то отстраняемое, то приближаемое легким ветерком, вкушать чай, запах которого не перебивался запахом белого сахара, в котором, по мере разогревания вишневой палочки, все больше чувствовался легкий аромат вишни, и дышать... спокойно дышать, не чувствуя за спиной невидимо нависшей угрозы заражения. – А где мое оружие, и, это... обувь моя где? – наконец спросил он.

– Оружие и бронька в палатке, все, кроме мечей. Мечи Зима унес, – ответил все тот же сталкер слева. – Я Жмот, –

представился он.

– Арни, – тут же сказал за себя сталкер справа.

– Орех, – поднял голову повар.

– Сагитай, – для порядка назвал себя боец. – Имя у меня такое.

– Мы знаем, что имя, – включился словоохотливый Жмот. – Тут все про вас знают. Как вы вдвоем восемь штук военного гнуса положили в чистом поле...

– Да не мы это, – вяло махнул рукой Сагитай.

– Как не вы?! – удивился сталкер.

– Не только мы... история долгая. В общем, нам демоны помогли. Королева их... и химера её... – Сагитай устало махнул рукой. Говорить не хотелось. – Они нас... в общем, последний шанс был, без нее никак...

Нож Ореха, равномерно нарезающий морковь, завис в воздухе. Ветер едва заметно шевелил травой и шуршал листвою отдаленных деревьев, рано начавших терять листву.

– Это как это?... – растерянно спросил Жмот.

Орех, придя в себя, продолжил нарезать морковь.

– Долго рассказывать. Потом расскажу, когда в состоянии буду.

– Ага, – согласился и кивнул сталкер, но было видно, что он теперь точно знает, что самое интересное он должен будет узнать в ближайшем будущем, кровь из носу и любыми средствами. Жмот встал и быстрым шагом направился к одной из палаток, куда влез наполовину и достал боевую эки-

пировку Сагитая. – Одеваться сейчас будешь? – пряча разгоревшийся взгляд, спросил он.

Сагитай внимательно посмотрел на сталкера. Молодой, чуть выше среднего роста, может, на пару сантиметров выше его. Не худой, но ближе к сухопарости, живые, подвижные синие глаза, каштановые волосы из-под легкого тактического шлема. «Килограммов на восемьдесят с небольшим вместе со снарягой. Собранный, но не рукопашник, стрелок, но не на всю голову, те спокойнее. Поисковик...» – профессионально оценил его Сагитай. Это была удобная привычка, позволявшая ему очень близко определять тех, кто интересовался им, и, соответственно, определять интересующихся самому, прежде всего с целью определить сильные и слабые стороны потенциального противника. Протянув руку, Сагитай молча дал согласие на предложение переодеться, понимая, что это не просто так.

– Почему Жмот? – не глядя на сталкера, спросил Сагитай.

– В смысле кличка почему такая? – с облегчением переспросил сталкер. – Молодой был, глупый... не делился, – без особого смущения ответил Жмот. Было видно, что он пережил свое прозвище, но оно уже приросло к нему, и никуда теперь от этого не денешься.

Сагитай несколькими глотками допил чай и, встав из-за «стола», начал одеваться. Увидев, что броня, разгрузка, шлем и перчатки, кроме земли, измазаны еще и старой мертвой черной кровью, Жмот опять оживился.

– Давай броньку почищу? Я быстро, у меня и инструмент для этого есть.

Сагитай замер. Это было что-то новенькое. Отказываться было глупо, ведь чиститься в любом случае надо, но тут предлагают сделать это вместо него. «Черт его знает, что творится», – подумал он.

– Ну, если... ну, почисти, – неуверенно сказал он.

– Щас, – вполне искренне просиял Жмот и кинулся в одну из палаток. – Орех, – вдруг крикнул он, высунув голову из палатки. Орех вопросительно обернулся к нему, – ну, ты покорми человека, что ли?

– Не умничай, сам знаю, – буркнул Орех и повернулся к бойцу, стоявшему возле кучи своей амуниции. – Жаркое не готово еще, – как бы извиняясь, сказал он. – Мясо жареное будешь? С зеленью. Холодное только, ему уже четыре часа как.

Сагитай улыбнулся. Сколько он уже видел сталкеров, все никак не мог привыкнуть. Они все кто в лес, кто по дрова, несбалансированные, что ли... Открытые и не прикрытые цивилизацией и масками больших городов. Словно аборигены. И лицо этого Ореха было ему смутно знакомо, вроде как с хорошей стороны, с правильной. Сагитай прислушался к своим ощущениям. Да, чай зашел хорошо, а теперь, как это бывает после долгого воздержания от еды, желудок был робок. Получив пайку быстрых углеводов, которых хватит минут на двадцать активной деятельности, он как будто затих,

отвыкнув от милости со стороны хозяина. Но сейчас, когда хозяин поинтересовался его мнением, он завращался, требовательно прокрутился вокруг своей оси и заурчал, словно пес, радостно встречающий миску от хозяина. По крайней мере, так показалось по ощущению и по звуку. Поняв все раньше Сагитая, Орех сочувственно кивнул.

– Тут мясом не обойдешься...

Через несколько минут на ящике слева от Сагитая появился салат из свежих овощей. Орех немного посомневался, когда достал черную пластиковую коробку, но, перекинувшись взглядом с Сагитаем, понял, что тот не имеет ничего против, и принялся потрошить ее. Жмот уже пришел с губками и набором щеток и теперь, отсев поодаль, шуровал ими, словно всю жизнь занимался подобным. Арни допил свой чай и, насмешливо, но беззлобно хлопнув по спине трудившегося Жмота, куда-то испарился.

– Хорошая вещь этот рацион, – спокойно и деловито вытряхивая содержимое разных пакетиков в пластиковую тарелку, сказал Орех. – У нас их целый вагон.

– Два, – вклинился Жмот, на секунду отвлекшись от чистки.

– Во втором другие. У тех срок дольше... – отодвинул реплику сталкера Орех. – А этих вагон, – обратился уже к Сагитаю, который снова завернулся в фуфайку, повар. – Я их проверил, очень вкусная вещь, и разогревать не надо. Там пакетик есть, холодной водой заливаешь – и кипяток через

пару минут. Бульон очень вкусный, мясо сублимированное, настоящее, приправы всякие и лапша... китайская, прозрачная, но... если таким питаться, сдастся мне, скоро жиреть начнешь, – Орех украдкой глянул на Сагитая, который, если бы не постоянные физические нагрузки, наверняка бы набрал десяток – другой килограммов просто так, от скуки.

– Да с нашей жизнью и не потолстеешь, Орех, – поддержал повара Сагитай.

– Да-да, тут две пробежки в ночь – и язык на плече. Только ИРП-эшки и спасают, – вклинился Жмот.

– У тебя всегда язык на плече, – негромко пробурчал Орех. – А хорошую еду ценить надо и любить, – деловито сказал он, отвлекшись взглядом на стоявший на решетке прямо над самыми углями большой казан. – Хорошая еда – она жизнь учит любить, а когда человек жизнь любит, так и она его тоже. Вот у сталкеров сколько раз я видел, ходит тощий, голодный, злой. Я ему тогда говорю: ты погоди, посиди денек-другой, отдохни, поешь спокойно... – Орех вздохнул, вспоминая свое.

Вглядевшись, Сагитай вспомнил Ореха.

– Так это ты на Янтаре в бункере служил?

– Я, – немного смутившись, ответил Орех.

– Он, он, – снова вклинился Жмот. – С пулемета своего лупил... хорошо хоть не попадал ни разу.

Орех замолк. Момент был неловкий, но сейчас ведь все поменялось. Либо люди, либо нелюди... даже мертвецы луч-

ше тех, кого можно назвать полумертвыми.

– Кто старое помянет, тому... – плотно закрывая тарелку крышкой и ставя ее в основную посуду ИРП, начал было Орех.

– Знаю, знаю... тому глаз вон, – закончил вместо него Жмот. – Да я не попрекаю, Орешек, чего там...

Замолкли. Сагитай незаметно подчистил тарелку с салатом и теперь терпеливо ждал, пока созреет горячее в пластике. Через короткое время парок из специального отверстия в коробе стал устойчивым, а сама пластиковая посуда немного подрагивала в силу идущих в ней термических процессов. Орех оценил силу и устойчивость пара и кивнул, подавая вилку.

– Готово, Сагитай. Пробуй.

Дважды просить было не нужно. Открыв крышку и вытащив нагревающий пакет, который еще некоторое время поплеывал паром, боец поднял посудину к лицу и не поднимал его, пока не опустошил ее всю. Орех с ревностью и даже с досадой следил за аппетитом гостя, словно осуждая того за несдержанные восклицания, а Жмот поглядывал на Ореха с искорками насмешки. Лапша, хрустящие, сочные, полные вкуса овощи и настоящее распарившееся мясо были действительно хороши и не создавали ощущения еды быстрого приготовления. Складывалось ощущение, что это полноценное свежеприготовленное руками блюдо. С трудом, но осилив порцию, Сагитай отложил тару в сторону и смачно

икнул. Лицо его покраснелось и теперь уже действительно вспотело.

– Ну, спасибо, мужики, ик... зашло, так зашло, – выдохнул он.

– И бронька твоя готова, – подскочил сталкер, протягивая вполне себе чистую амуницию.

– Нет. Спасибо, Жмот, но мне это... полежать надо... я уже старый... хрен, – немного подумав, сказал Сагитай. – Пойду...

Он встал и направился в сторону коровника.

– погоди, погоди, – встревожился сталкер. – Куда ты? Вот твоя палатка, – указал он на ту палатку, откуда и доставал вещи бойца.

– А почему я там спал? – недоуменно спросил Сагитай.

Спать ему захотелось вновь, даже после шестнадцати часов сна до этого. Но теперь сон обещал быть не мертвым, когда состояние спящего напоминает анестезированного больного, а приятным и восстанавливающим.

– Напарник твой, Яков, проснулся когда первый раз, тут такую раздачу устроил, что мы вас обоих, того... переселили, – сознался сталкер.

Несколько секунд Сагитай обдумывал сообщение, потом пожал плечами.

– Так его Лилит подремонтировала, вот у него здоровья и побольше моего стало, – сказал он.

– Лилит? – вытаращил глаза сталкер.

– Ну да, она. У него ранение было в левую руку... Ну, ладно. Я спать, – резко прекратил разговор Сагитая и, развернувшись, пошел в указанную палатку, оставив сталкера одновременно в ошарашенном, растерянном и возбужденном ступоре.

Жмот, вытянув руку в сторону уходящего Сагитая, силился что-то сказать, но сразу все вопросы, столкнувшись друг с другом в голове и в горле, вылились в один нечленораздельный звук между «А» и «Э». Так, не в силах сказать слова, он проводил отчаянным взглядом Сагитая до палатки, и только после того как шторы входа закрылись, он отмер и раздосадованно сел возле костра напротив Ореха.

– Что, не удалось? – насмешливо спросил Орех.

– А я-то думаю, откуда у него в рукаве дыра такая, еще и с красной кровью. Артефакта-то при нем на заживление не было, так это значит... – Жмот кинул отчаянный и полный мучительного любопытства взгляд на палатку с Сагитаем. – Ты пойми, Орешек, мы же тут дальше этих квадратов ничего и не знаем, а тут, посмотри, что делается... что делается-то... – он затих, глядя расширенными глазами в никуда. – Я пойду на Якова посмотрю, – твердо сказал он. – Теперь куда они, туда и я. Помогать буду.

С этими словами он встал и направился в сторону невидимого отсюда ангара. Орех проводил его взглядом, затем мотнул головой, отгоняя от себя посторонние мысли.

– Молодость зелена... жив бы остался, помощничек...

Глава 4. Северный пост

Аккуратно опустив бинокль, Сахарок вздохнул. Откровенно говоря, лежать тут на щите, установленном на опоре ЛЭП, надоело. И пусть его напарник – веселый и толковый парень, но иногда легче переносить долгие часы, когда есть не только с кем посмеяться, но и поговорить на более глубокие и серьезные темы. Сахарок выглянул вниз, куда пару минут назад спустился Карбид по самодельной веревочной лестнице. Карбид снял штаны и сел в кустах дикой смородины, которые густо поросли у опоры, одиноко стоящей в поле.

Вообще место для контроля местности было очень хорошее. Широкое нескошенное поле, колос которого уже полег неубранным под дождями, давало отличный обзор на километры вокруг. Ближайший населенный пункт Стреличево был в трех километрах на северо-запад, а еще один – Рудаков – тоже примерно в трешке, но на юго-восток. Обе деревеньки были пусты, и трупов там практически не было. Успели убраться еще людьми, как только пошли радиоактивные осадки с запада.

Сахарок давно и надежно входил в группировку зеленых. Он был одним из самых лучших бойцов, которые могли в одиночку задержать направление, выбрав безупречный момент атаки, не допуская ошибок и не давая запереть себя в угол. Якорь не любил отдавать таких бойцов на простое де-

журство, но вариантов было немного. Людей было мало, и, конечно, целое северное направление контролировать полностью было невозможно, но и оставлять эту сторону совсем без присмотра было недопустимо. Светловолосый и голубоглазый сталкер был высок, гибок и строен. Не широк в плечах, но это с успехом компенсировалось невероятной выносливостью и пытливостью ума. Несмотря на свой миролюбивый вид, в стычках с «Долгом» он не задумывался ни на секунду, загонял или заманивал противника на растяжки, устраивая ловушки и засады у раненых, используя их как приманку, минировал мертвых. И поэтому его прозрачный и спокойный взгляд человек, близкий по ремеслу, непременно определит как взгляд профессионала, знающего о смотрящем на него все, что ему нужно. Карбид же, из вольных, который сидел в кустах, спустив штаны, и давил жабу, был бы среднего роста, если бы встал, но вставать ему, как вы понимаете, сейчас было крайне недальновидно. В серьезных делах, крупных стычках и перестрелках с бандитами замечен не был, хотя часто имел желание выступить на острие, но в то же время имел и долю ума, понимая, что после любого крупного дела он наживет врагов, которые не поленятся подобрать ему именную пулю. Серые глаза и темные волосы вольного делали его неприметным среди остальных, стандартное снаряжение и неброская амуниция способствовали этому еще больше.

Карбид, объевшись халявных шоколадных батончиков,

конечно, получил на выходе то, что и можно было ожидать, а именно шоколадный фонтан. Сахарок не приучен был смеяться над подобными происшествиями, скорее, эта глупость больше раздражала его, чем забавляла, зато Карбид комментировал происходящее без стеснений.

– О-о-о! Хорошо пошла... – кряхтел он, потрескивая выхлопом. – ...Не зря написано, что с Аленкой все сладко да гладко... о-о-о...

Расстояние до наблюдательной площадки, сделанной из сколоченных между собой досок, было метров восемь, поэтому особого дискомфорта это Сахарку не доставляло, но тем не менее кряхтение Карбида в кустах не давало ему настроиться на что-то свое. Новенькая СВУ – профильное оружие зеленого, совмещающее глушитель, пламегаситель и дульный тормоз, гладкая труба РПГ-7, лежащая под боком, и несколько выстрелов к нему вполне могли надолго увести его в мир размышлений об эффективности того или иного оружия, если бы не сидящий внизу король туалетной феерии. Наконец его кряхтения прекратились, и веревочная лестница натянулась под весом поднимающегося человека.

– Сколько сейчас времени, коллега? – невозмутимо осведомился вольный, взобравшись на щит, но, увидев отвернувшееся лицо зеленого, посмотрел на собственные, тоже трофейные часы. – Скоро три часа. Не пора ли нам отобедать?

– Шоколадку возьми, – холодно предложил Сахарок, внутренне посмеиваясь.

– Да кабы делу помогло, я бы шоколадкой поправился, но только сдается мне, что шоколадка банковская. Берешь одну, а отдаешь полторы. Нет у меня столько шоколада!

Сахарок не удержался и хмыкнул. Что поделать, такой уж этот Карбид, ничего не попишешь. Вольный демонстративно достал влажные салфетки и тщательно вытер руки и лицо. Причем лицо он вытер во вторую очередь, будучи свято уверенным, что салфетки творят чудеса. После чего он спрятал их в один из карманов, чтобы не мусорить. Это было нормально, дело было не в сохранении чистоты окружающей среды, а в сохранении маскировки. В случае чего белые квадратики материала, зацепившиеся за веточки или за пшеницу, окружающую опору, вполне могут указать неприятелю на наличие людей.

– Ну, так что, командир, обедать будем? – спросил вольный у Сахарка.

– Нет, – ответил Сахарок.

Обедать они будут, когда он захочет, а он пока не хочет, и плевать ему, что аппетит только усилится. Сидеть и обедать на досках на высоте, видимым для кого угодно, не вариант, лежать и обедать – тоже, а спускаться вниз, чтобы принять пищу там, где уже раз шесть был неунывающий Карбид... сами понимаете, тоже вариант не из лучших, хотя для вольного это было бы вообще без вопросов.

Вдруг Карбид подобрался и замер, глядя в сторону Стреличево. С той стороны пару раз появлялся гнус, но стал-

керы оперативно устраняли его, как только определялись, что он в единственном числе. То же самое делали и другие группы слева и справа от них на расстоянии нескольких километров. Именно поэтому в рыжеющем пшеничном поле регулярно встречались огромные, словно выжженные огнем круглые черные поляны. Здесь уничтожать гнус было можно. До стратегического состава было километров семьдесят-восемьдесят, но до Зоны, где производились сборки из артефактов, километров тридцать, а это расстояние было уже достигаемым. Если до этого сталкер сидел, то вдруг стремительно лег, прижавшись к доскам. Сахарок не стал играть в его игру и вскидывать бинокль в том направлении, он продолжал, лежа полубоком лицом к вольному, разглядывать РПГ. Мало ли, вдруг это дурацкая шутка вольного, повестись на которую означало приблизиться к невысокому уровню Карбида. Карбид лег и, повернув голову к Сахарку, одними губами произнес:

– Валдарниец!

Внутри похолодело, но не от воздействия гнуса, а от того кошмара, что несет в себе это создание. Сахарок не видел его до этого вживую, впрочем, как и Карбид, но на ПДА у них были снимки живого валдарнийца, а также видео его уничтожения. Сахарок, превратившись в изваяние, не поворачивая головы, спросил также почти одними губами:

– Где?

– Со стороны деревни идет, – расширив глаза, ответил

Карбид, но затем, поняв что-то в глазах Сахарка, добавил: – Метров шестьсот дистанция, к комбайнам двигался.

Сахарок плавно развернулся в нужном направлении, аккуратно приложил бинокль к глазам и успел в самый последний момент заметить, как нечто огромное закатилось за один из трех стоящих комбайнов и, слегка качнув бункер своей тушей, затихло. Комбайны, начавшие убирать пшеницу, но так и не закончившие свое дело, стояли в полукилометре и были прекрасным ориентиром на местности. Другими ориентирами были соседние опоры ЛЭП, правая и левая в двухстах метрах от их дислокации.

– Точно он? – спросил Сахарок.

– Мамой клянусь, – жарко подтвердил Карбид, уставившись в бинокль на прикрывающие чудовище комбайны.

Если бы там стояли легковые машины, то валдарниец торчал бы над ними на половину корпуса, если бы стояли грузовики, то уroda вполне можно было бы увидеть через щели и просветы, через окна, но комбайны с их бункерами надежно закрывали собой безобразную тушу. Валдарниец не шевелился и не подавал признаков жизни. Даже дорожка вжатой в землю пшеницы не была черной от его воздействия. Казалось, он знал, что за ним наблюдают, и спрятался от людей, пытаясь создать вид, что его здесь нет. Тени облаков передвигались по полю, солнце то пропадало, то выглядывало вновь, а чудовище уже несколько минут не проявляло признаков своего присутствия. Насколько это было им свой-

ственно, неизвестно. Дорожка от его туши явственно виднелась со стороны деревни, прямая и широкая. Такую ни с чем не спутаешь.

Сахарок достал рацию, у него была прямая связь с лидером объединенных группировок Якорем, и нажал на кнопку связи. В современных рациях, которыми дальновидный лидер оснастил большую часть своих людей, не было необходимости называть позывной и накликивать прием. Достаточно было нажать кнопку вызова базы и еще нескольких, занесенных в разноску точек, и рация вызываемого подавала звуковой сигнал, а на экране отображалось, кто вызывает.

– Слушаю, – незамедлительно раздался голос Якоря.

– Якорь, мы на точке. Тут валдарниец, – негромко сказал сталкер, не отрывая бинокля от трех комбайнов.

– Черт... – послышался встревоженный голос. – Один?

– Других движений не наблюдаем.

Якорь, находящийся на базе, глубоко в тылу, встал и пометил крестиком на карте. Он отмечал все проявления гнуса. Как, где, в каком количестве, в каком состоянии они приближались к их территории. Он справедливо опасался массированного наступления гнуса, к которому они готовились изо всех сил, но подготовиться действительно к которому было невозможно.

– Понял. Он вас засек? – спросил он.

– Не знаю. Спрятался метрах в пятистах, за комбайнами. Признаков не подает, – ответил Сахарок.

Некоторое время Якорь молчал. Он с его названным братом Молью и номинально лидером «Долга» Тереком исполнил всю бумажную карту местности носами по нарисованным старым руслам, по заброшенным и зараженным деревенькам, по зеленым пятнам лесов и насаждений. Ему, исходя из масштаба зафиксированных происшествий, было виднее, и теперь он напряженно соображал, может ли это быть началом окружения, не пора ли снять посты с незащищенных точек и передвинуть их в укрепленные позиции, где пару живых человек не будет так просто снять. Если за валдарнийцем пойдет альфа-гнус или сработают снайперы противника, то они могут даже не узнать об этом. Посты расставлены слишком далеко друг от друга, и сплошного наблюдения нет. Пока что это было похоже на случайность. Гнус практически весь ушел волной на восток, но ведь не весь, вот и слоняются опоздавшие и случайные по пустым площадям.

– Сидите, не высывайтесь. Наблюдайте. Я пока из резерва отправлю к вам квад и двойку с белым, постоят за спинами, если что, прикроют. В бой не ввязывайтесь.

– Принято, – ответил Сахарок и дождался, пока Якорь нажмет отбой.

Группировка «Долг», возглавляемая Тереком, добровольно слилась со «Свободой». Все прошлые распри были закопаны глубоко в землю и запаханы плугом по имени гнус, захватившим пространство на тысячи километров от Зоны. Финансирование и поддержка с Большой Земли, за счет ко-

торой существовал «Долг», прекратились после их разгрома гнусом на Ростке, да и само понимание Большой Земли изменилось после появления гнуса на ее территории. Налаженная добыча и производство настолько необходимых артефактных сборок, экранирующих человека от гнуса, под названием «муха» дали такой финансовый прилив «Свободе», что в итоге превратились в так и не доехавший состав, полный всего, что было заказано, без торга и вопросов. В итоге у «Долга» складывались следующие перспективы: либо продолжать воевать со «Свободой», стреляя в тех, кто клал жизни и за них тоже, либо распасться на вольных сталкеров, коих среди «Долга» было немного, либо все осознать и войти боевым подразделением под «Свободу». Выбор был очевиден. К «Свободе» примкнули все, даже бандиты и наемники, которые имели хоть что-то в голове. Вольным сталкерам тоже было не с руки оставаться на своих хлебах, потому что Большая Земля перестала существовать в начальном виде. Оттуда больше не шло заказов, оружия, амуниции и продовольствия. Вся сила и вся мощь были теперь у группировки зеленых, а товарный состав и был Большой Землей.

То, что их будет прикрывать квад «Долга», для Сахарка было не самой лучшей новостью. Но теперь-то уже какая разница? Каждый боец на счету. Что было, то было, красно-черные и сами по уши в чужой крови, причем часто больше, чем «Свобода». А вот двойка, один из которых был воскресшим мертвецом, была гораздо ближе ему по духу. Он бы с

удовольствием взял в напарники мертвеца вместо Карбида. Карбид, во все глаза пялившийся в бинокль, перевел взгляд правее и снова замер. Что-то там вдалеке посверкивало, отражая лучи выступившего вновь солнца. Неясно только, то ли стекло машины, то ли фара, а может быть, и оптика снайпера. В любом случае он бросил взгляд на Сахарка и негромко произнес:

– Там сверкает что-то, правее возьми градусов на двадцать. В километре.

Сахарок повернул окуляры бинокля и подкрутил резкость на дистанцию. Карбид был прав. Не зря его направили в пару с Сахарком, зрение и наблюдательность у него что надо, еще и память, наверное, как у фотоаппарата. Долго выискивать источник солнечных зайчиков не пришлось. Одинокий мотоцикл с задранной кверху фарой тряско ехал по пшеничному полю. Сидящий на нем в застегнутом шлеме и черной куртке-косухе, встряхиваясь на неровностях поля, более-менее ровно ехал напрямиком к сталкерам. Скорость была километров пятьдесят в час, но даже с такой скоростью он через минуту будет у опоры. Если он вооружен, то сможет без особых проблем расстрелять людей снизу прямо через щит. Теперь стало понятно, для чего здесь валдарниец. Если сталкеры спустятся вниз, чтобы уничтожить одинокого противника, валдарниец двинется из своей засады и сомнет людей. Действовать нужно было немедленно. Главное – сбить его с мотоцикла, а еще лучше – повредить транспорт. СВУ при-

вычно уперлась в плечо, а глаз приник к окуляру оптического прицела. Надо только подпустить поближе, чтобы управиться за один выстрел.

– Сообщи нашим, пусть выдвигаются, – скомандовал Сахарок.

Карбид испуганно кивнул.

– Але, але... – заторопился в рацию Карбид, с испуга нажав общий канал связи. – Это я, Карбид, тут на нас мотоциклист едет. Будем стрелять. Валдарниец в засаде в пятистах, выдвигайтесь, кто может, вдвоем не сдюжим.

В этот момент негромко, но достаточно для того, чтобы отразилось в рации, щелкнула СВУ Сахарка. Пуля прошла переднее колесо и, щелкнув по двигателю, отскочила прочь. Руль транспорта вывернулся, и сидящий на нем кувырком вылетел вперед, раскинув руки в перчатках.

– Выдвигаемся, – послышался голос одного из бойцов клада.

– Идем, – негромко сказал, почти шепнул бесцветный голос мертвеца.

Покрывшись потом и тут же побледнев, Карбид, лежащий справа от Сахарка, схватился за РПГ, привстал и прицелился в сторону комбайна.

– Не стрелять, – коротко сказал Сахарок.

– Я наготове, – коротко ответил вольный, следя за комбайнами.

– Ляг, дурак! С дистанции снимут, – холодно приказал

Сахарок.

До вольного дошла вся неосмотрительность его действия, и он тут же упал на настил, тыча гранатометом в сторону техники и закрывая обзор без всякого движения лежащему Сахарку.

– Трубу убери, дура! – сквозь зубы с раздражением снова приказал Сахарок.

– А? Ага, – сообразил Карбид и суетливо убрал гранатомет в сторону.

Убрал неправильно, пристукнув прицелом о боеприпасы к этому же гранатомету. Сахарок лишь крепче сжал зубы, держа на прицеле мотоциклиста, который должен бы был вставать, но не вставал. Стрелять в плохо видимую, лежащую в пшенице фигуру было бессмысленно. Четких контуров тела видно не было, гнус был в шлеме, а это означало, что попадания будут крайне неэффективны, нужно дождаться, пока он встанет, и действовать наверняка. Спешить сейчас было глупо, подкрепление еще не добралось до позиций, с которых могли бы контролировать опору ЛЭП. Хотя можно, конечно, дать оболочечную пилюлю лежащему в голову, чтобы поторопить того с действиями. По мечущемуся взгляду Карбида было видно, что он бы уже давно начал пальбу из РПГ и в сторону лежащего, и в сторону валдарнийца, а спокойствие и неподвижность Сахарка внушали ему с трудом контролируемую панику. Подавив адреналин, Карбид напряженно смотрел то на Сахарка, готовясь кинуться в атаку, ес-

ли тот скажет, или бежать прочь по его приказу, то лихорадочно зыркал по сторонам, ожидая новой пакости или спасенья. Гнус не вставал по-прежнему, и валдарниец не придавал значения происходящему. Возможно, биотанк и не услышал выстрел, а может, это и есть план гнуса – заставить людей слезть с высоты. Несколько минут прошло в напряженной тишине. Коротко цыкнула рация, обозначая вызов. Сахарок приложил ее к уху.

– Говори.

– Квад на позиции, на семь часов. Четверо.

– Двойка справа. Соседняя опора, – прошелестел голос мертвеца.

– Принято, – коротко ответил Сахарок.

Что ж, подкрепление – это здорово. Все при гранатометах. В несколько стволов они разматывают валдарнийца на составляющие, главное – навтыкать ему выстрелов до такого предела, после которого все незащищенное и живое, до чего он сможет дотянуться, не смогут больше восстанавливать его. Тишина и бездействие угнетали. Что за игру предлагает им гнус? Будут ли еще? Остаться или спускаться? Сталкер разглядывал нечеткий силуэт мотоциклиста, лежащего в нескошенной пшенице. Дистанция в триста метров была для оптики пустяшной, и он видел даже металлические заклепки на косухе, синие джинсы, широкий ремень, и светлую майку, и еще одну темную майку. Странно... верхняя темная майка была действительно частью одежды, а то, что было под

ней... Сахарок моргнул. То, что было под ней, было телом. Чистым, не покрытым язвами, не коричневое и не болезненное. Человек. Не гнус. Живой. От неожиданно пришедшего понимания Сахарок нервно выдохнул, что не укрылось от внимания Карбида. Снайпер чуть не убил, так, на всякий случай, проверочным выстрелом живого человека. Сахарок был убийцей, но сейчас не та война. Не с людьми, и каждый спасенный может оказаться последним человеком вне их территории.

– Это живой, – прошептал снайпер.

Глаза Карбида округлились, он схватился за бинокль и уставился на мотоциклиста. Сахарок поднес рацию к губам.

– Внимание, новые вводные. Впереди от нас на двенадцать часов живой. Мужчина. Триста метров, – сталкер замолчал, осознавая происходящее.

– Вытаскивайте его, ребята, – послышался голос Якоря. – Сахарок, команду!

Несколько секунд зеленый соображал, что нужно сделать.

– Квад полукругом с запада в сторону опоры. Если танк поперет, примете на себя. Белый, заходи справа, поможешь вблизи.

– Есть, – бодро отозвался квад.

– Принято, – прошелестел мертвец.

– Карбид, на прикрытии с РПГ. Стреляй только по моей отмашке, я вниз, – дал указание Сахарок и, перекатившись к лестнице, оставил СВУ и начал спускаться с одним мечом.

Карбид только кивнул. Наконец-то понятная задача, наконец-то конкретное действие. Вольный успокоился, уверенно и надежно взял гранатомет.

Оказавшись на земле, Сахарок, пригнувшись, поспешил к мотоциклисту. Теперь ждать и стесняться было нечего. Квад спешил и был на расстоянии выстрела, белый и еще один сталкер идут справа, а за спиной наготове Карбид. С такими силами у него есть все шансы вытащить человека и даже уничтожить валдарнийца, если тот решит намять ему бока. Но валдарнийца лучше вообще не трогать. Через короткое время сталкер навис над лежащим без сознания человеком. Рука протянулась, и он отстегнул шлем, подспудно опасаясь увидеть пятна заражения. Серое осунувшееся лицо подростка или очень молодо выглядевшего мужчины, с синяками от недосыпания под глазами, спекшимися от жажды губами. Сахарок быстро пощупал пульс. Живой. Пульс уверенный, словно он спит. Возможно, так оно и было. Суток или нескольких суток в бегах от смерти достаточно, чтобы уснуть, просто прислонившись к земле, это сталкер знал из личного опыта. Но вначале нужно было привести парня в чувство, не тащить же его волоком.

Сахарок достал фляжку и смочил лицо лежащего. Тот замотал головой и с трудом открыл непонимающие глаза, рот парня приоткрылся. Сахарок прижал палец к своим губам, чтобы тот молчал, но в глазах паренька мелькнула такая несусветная радость, что он не сдержал вскрик:

– Ай...

– Т-с-с-с, – повторил сталкер, сделав страшные глаза, но было поздно.

Сталкер кожей почувствовал, что что-то происходит. Со стороны комбайнов нечто тяжелое ударило по металлу, и раздался тяжелый то ли стон, то ли скрип десятка человеческих голосов. Глаза парня расширились от ужаса, он засучил ногами и снова вскрикнул, на этот раз громче. Валдарниец, который не реагировал на тарахтенье мотоцикла, на звук падения или дзиньканье пули по металлу, услышав слабый человеческий голос, пришел в движение. До комбайнов было метров двести, но ветер относил звук голоса как раз в ту сторону. Послышался еще один чудовищный крик десятка глоток, кричащих по единому сигналу. От жуткого звука у парня окончательно съехала крыша, он заорал что было сил, вскочил и побежал. Валдарниец словно ждал этого. Огромная, безобразная, inferнальная туша, собранная из полутора или больше десятка человеческих тел в огромный шар, с торчащими оттуда ногами, руками, постоянно высывающимися из своих костяных лунок головами, выкатился из-за укрытий и, толкаясь уродливыми конечностями, рванул в сторону убегающего. Делать было нечего. Сахарок встал на пути у танка, подняв руку вверх. Карбид уже стоял на одном колене, держа прицелом РПГ чуть впереди катящегося биотанка. Через секунды сталкера, стоящего на земле, отделяло от чудовища меньше пятидесяти метров. Сахарок резко опу-

стил руку. Бахнуло, и шикнул выстрелом РПГ. Граната с бронепробиваемостью за триста миллиметров броневой стали вошла в центр биотанка и вырывающимся огненным фонтаном полыхнула у него с противоположной стороны. Чудовище заревело всеми своими глотками, теряя скорость. От него тотчас во все стороны начал расти и расширяться черный круг смерти, превращая золотую пшеницу в черный прах и тлен. Сахарок бросился в сторону, чтобы не быть раздавленным дымящей и катящейся на него массой. Дыра в теле биотанка, в которую можно было просунуть ногу, затягивалась на глазах, а надрывный крик превратился в устрашающий рев, и существо, отталкиваясь ногами и руками от земли, накрываясь, покатило за убегающим сталкером. Тотчас еще три гранаты, выпущенные из РПГ квадом, вошли в валдарнийца. Полыхнув огнем, они оторвали несколько конечностей с противоположной стороны танка. Еще один выстрел от Карбида заставил чудовище практически остановиться, а яростный рев сменился на тошнотворное харканье. Смятые легкие многих человеческих тел не могли набрать воздуха, чтобы зайтись ревом. Сахарок уже добегал до опоры, как еще одна граната вошла с правой стороны, где в прикрытии стояла двойка. Граната прошла сквозь тушу, заставив полыхнуть ее огнем из всех несросшихся дыр и щелей. Валдарниец замолк, смрадно дымя горячей плотью и бессильно потрескивая сломанными костями. Вокруг него диаметром в четыреста метров образовался черный круг смерти. Сталке-

ры, защищенные артефактами, были в безопасности, а вот парнишка, если не успел отбежать за эту дистанцию, должен лежать черной высохшей мумией.

Валдарниец, выжрав и убив вокруг себя, под собой и наверх над собой всю жизнь, не мог найти больше ресурсов и восстановиться. Но он был жив настолько, насколько это слово применимо к подобным существам. Чудовище слабо шевелило человеческими конечностями, а головы, ушедшие в лунки, не показывались из гнезд. Сахарок обернулся. Вот, грузно топая ногами, в своей красно-черной броне подбегает квад: Поляна, Алтын, Шаман, Гусь, а с востока идет белый по прозвищу Хруст, а за Хрустом, ведя едва живого от страха паренька, вольный сталкер Костер, быстрый на ногах и шустрый на подмогах. Значит, жив мотоциклист! Сахарок улыбнулся, что случилось с ним крайне редко. Шаман из квада уже докладывал Якорю об окончании операции. В такие моменты все кажется фотографией. Суровые, но через одного улыбающиеся лица бойцов квада, разинутый в восторге рот Карбида, плавная поступь Хруста и Костер, прочно держащий за шкурку беглеца и толкающий его впереди себя. Сталкеры, обступив создание ужаса и отчаяния полукругом на расстоянии десятка метров, остановились. Валдарнийцы слепливались из отдельных единиц гнуса в горниле радиоактивных воронок, которых по Европе были тысячи, соответственно, и радиация в них держалась такая, что без защиты от радиации близко лучше не подходить. Костер остановил-

ся с мотоциклистом в паре десятков метров.

– Ну, что, ты этого испугался? – спросил Сахарок у бледного, как смерть, паренька. Тот лишь кивнул. Легко быть смелым в такой ситуации, если ты сталкер. – Как зовут?

– М... Митя... Матвеев, я из Уборок, – ответил тот, заикаясь от пережитого.

– Хорошо, Митя Матвеев из Уборок. Смотри, что мы с ним будем делать. Смотри и учись!

Сталкер опустил щиток на лицо и вынул меч, кивнув кваду. Бойцы квада опустили забрала и достали свои мечи. Карбид застучал сапогами на площадке, засуетился, торопясь спуститься вниз. Сахарок жестом остановил его, оставив наблюдать за округой. Хруст, шлем которого не имел забрала, лишь чуть опустил подбородок вниз, его клинок, чуть менее широкий, был сделан не Ковалем, а в их подземной кузнице на Пепелище. Одновременно шагнув к чудовищу, живые и мертвый, рубя плотную шкуру гнуса, преодолевая слабое сопротивление пытающихся ухватиться за сталь пятнистых ладоней, безжалостно рубили все, что выступало за пределы основной туши. Несколько минут шесть клинков с чавканьем и глухим стуком рубили зараженную плоть. Головы биотанка попискивали в своих костяных лунках, но сил у чудовища больше не было. Скоро оно умрет с голоду.

– Хорош, – скомандовал Сахарок. – Сообщи нашим, чтобы принесли полог. Накрыть и закрепить, чтобы не унесло ветром. Уходим.

Сталкер обернулся на новоприбывшего. Тот жадно пил воду из фляжки. Думается, что один из его кошмаров сейчас был уничтожен матовой отточенной сталью, а остатки будут еще долго валяться здесь на черном тлене пшеницы.

Глава 5. Перемены

Коваль и Яков наконец закончили с восстановлением и настройкой ПР127, расположенного под навесом. Жмот крутился рядом, подавая инструмент, и часто косился на Якова, пряча взгляд, как только тот подозревал что-то неладное. Коваль переставил платы, старательно припаяв их, и воткнул источник питания, который ранее был вынут, чтобы робот спокойно стоял в сарае. В качестве испытуемого мертвеца напротив поставили Добрыню. Яков, десять раз прокрутив все в голове, переключил рычажки на панели, установленной в ходовой тележке робота. Индикаторы перемигнулись красным, но после манипуляции с третьим рычажком диодные индикаторы мигнули зеленым, и все затихло.

– Что, все? – затаив дыхание, спросил Коваль, с напряжением следивший за действиями бойца.

– Все... – пожал плечами Яков.

ПР127, очищенный от крови гнуса, с демонтированными ломаными креплениями пулеметов, снятым обломком циркулярной пилы и креплением манипулятора представлял теперь голую миролюбивую версию грозного для гражданского гнуса робота. С десяток секунд после получения новых вводных ПР стоял неподвижно и лишь затем закрутил башенками в разные стороны, сканируя окружение, местность и, очевидно, пытаясь определить свое местоположение. Дер-

нув взад и вперед нарочито заклиненными гусянками, он замер. Коваль заметно нервничал. Этот робот, а точнее, контрольный модуль с настройками на конкретную ячейку операторов, был их единственным шансом соединиться с регулярными войсками, ныне разбитыми, разрозненными, но уцелевшие просто обязаны были быть. Хоть кто-то. Коваль сидел на корточках напротив ПР и нервно тянул сигарету за сигаретой, сплевывая несуществующие крошки табака в сторону. Яков стоял рядом, хмуро следя да безмолвным аппаратом, а мертвец Добрыня стоял по другую сторону от ПР, глядя сквозь металлические башенки робота. Вдруг механизм ожил. Верхняя башенка развернулась и уставилась оптическим глазком на Якова, а гусеничный ход, словно проверяемый рукой оператора, дернул заклинившими движителями в разные стороны, убеждаясь в его отсутствии повторно.

– Яков? – раздался голос из скрытых динамиков робота.

– Серега? Овчинников? – воскликнул боец и стремительно нырнул к роботу.

– Я, я... – голос оператора был возбужден и растроган. Словно друзья сняли с головы пленника пыльный мешок. Все башенки робота хаотично завращались, собирая информацию. – Где вы? А... не говори. Живы? Я вас беспилотниками еще пару километров вел, потом предел. Что там у вас? Это кто? – посыпал вопросами оператор.

– Свои, свои. Здесь все свои, – успокоил его Яков. – Это Коваль, он тут командует. Все к нему, – указал боец на уса-

того сталкера.

Верхняя башенка направила глазок камеры на сталкера.

– Младший лейтенант Овчинников! Оператор разведывательного роботизированного звена, – доложил он звенящими динамиками робота.

– Спокойно, служивый. Здесь по форме не обращаются. Рассказывай, что у тебя в наличии, чем можешь помочь?

Возникла некоторая пауза, в которой было слышно как оператор судорожно справляется с волнением.

– Восстановлена связь с несколькими точками. Мы уже глубоко в тылу противника. Всего в нашем распоряжении двенадцать действующих ПР127, еще около тридцати роботов в разной степени неисправности по известным координатам. Около полусотни исчезли, и установить их точное местоположение невозможно. Беспилотники около десятка готовы к вылету, но требуется дозаправка. Для этого нам нужно подняться на поверхность, но мы уже потеряли четверых, примерно то же самое и у большинства других точек. Поэтому в настоящее время у нас есть только радиоэфир.

– Негусто, – пошевелил усами Коваль. – Что в мире творится? Что слышно?

– Точно знать не можем, но доносятся обрывки информации, известно что гнус вошел в Китай и Индию. Пакистан ударил по нему ядерными бомбами, это помогло. Потом по гнусу ударили совместно Китай и Индия по своим же территориям. После этого новостей еще не было, – рассказал опе-

ратор. – В Южной Америке вспышка, в Канаду прибыл корабль с зараженными. Гнус везде.

Коваль выдохнул. Этого и следовало ожидать, но как же тяжело узнавать это в действительности.

– Что теперь делать? – не выдержал Жмот.

– Все то же самое, только быстрее, – ответил Коваль. – Готовиться и встречать.

– Вы хотите встречать гнус? – переспросил оператор.

– Никто, кроме нас, оператор, – твердо сказал Коваль. – Или ты планируешь отсидеться в норе?

– Но что мы можем сделать? Нас мало. Всего несколько десятков, и я не могу знать, кто и где расположен. Это секретная информация, мы не можем ее знать. Если мы будем знать и гнус захватит нас, он получит доступ к остальным точкам. Их будут миллионы...

– Но вашу точку он, видимо, уже нашел. Ты говоришь, потерял четверых? Остальные тоже теряют людей? Он нашел большую часть из вас, но твоя нора слишком глубока, и он пока не может дотянуться до тебя. Нам нужны твои глаза в воздухе и роботы, понимаешь? – Коваль повысил голос. – Или ты хочешь сдохнуть с голоду через несколько лет в своем каменном мешке? Через пару месяцев или раньше гнус выжрет все там и пойдет обратно! Туда, где еще есть леса и поля, где еще есть живые! Он придет сюда, к нам! Мы примем бой и живые, и мертвые, а тебе в последний момент не с кем будет даже попрощаться, потому что ты будешь послед-

ней крысой в своей норе, которая сойдет с ума и сдохнет от тоски и голода! Ты понял?!

Голос Ковалья звенел и, казалось, разил молниями. Жмот испуганно отдалился от командира, а Яков, напротив, подойдя к Ковалю, положил руку на его плечо, жестом призывая успокоиться.

– Это хороший оператор. У него сотни объектов на счету, – негромко сказал Яков.

Коваль встал, с трудом переводя дыхание. Усы его топорщились. И его нервы оказались не железными. Ожидания, которые он возлагал на регулярные войска, прямо сейчас летели к чертям. Неуверенная и осторожная позиция военного вывела его, и без того бывшего в диком напряжении, из себя. ПР молчал. Даже Добрыня как-то по-другому смотрел на Ковалья. Его тусклые глаза на мгновение стали ярче и живее. Сделав усилие над собой, он прохрипел, указывая пальцем на железо:

– Оператор. Не сказал. Нет.

Рука мертвеца опустилась, и он вновь застыл неподвижно, как манекен, недвижимый ни биением собственного сердца, ни током жидкостей по сосудам, ни дыханием.

Оператор снова заговорил через динамики железного робота:

– Еще вчера, когда Сагитай и Яков вышли из зоны нашего наблюдения, мы решили заправить БЛА дальнего радиуса и запустить его в западном направлении, куда вы их увезли.

БЛА замаскирован и стоит на рогатке. Из последнего полета мы приняли его, но не успели заправить. Гнус стоит над нами. Мы не знаем точно, где и сколько, но он тут. Он не нашел аппараты, но он чувствует наши следы. Мы тянули жребий, кто пойдет наверх и заправит летуна. Мне не повезло, мне пришлось остаться...

– Ты хотел сказать, тебе повезло? – поправил Коваль.

– Нет. Мне не повезло. Только те, кому повезло, пошли наверх. Мы хотели пойти наверх, чтобы хоть как-то помочь им. Мы видели, как они дрались там... Ты видел это, Коваль? – голос оператора был тяжел и мрачен. Казалось, это говорил человек много старше его возраста. – Сначала ушли двое. Не вернулись. Затем еще двое. Я тоже хотел, но меня не пустили. Теперь нас всего четверо. И какая-то тварь сторожит нас у выхода с той стороны. Сторожит у последней двери. Мы слышим, как она бьет чем-то там в темноте по двери бункера. Ты думаешь, мы боимся настолько, чтобы прятаться в норе?

Коваль опустил глаза.

– Извини, брат... я не знаю, что думать. Я так рассчитывал на вашу помощь. На помощь разведки беспилотников и роботов.

– Мы поможем, но что именно мы можем сделать? – спросил оператор.

– Надо выбить им осаду, – тихо сказал Яков. – Надо выбить осаду всем точкам. Пусть они заправляют беспилотни-

ки и отслеживают территории, пока могут.

Коваль посветлевшим взглядом посмотрел на Якова.

– Правильно, боец. Птичек надо запускать. Оператор? Серега? Говори, где находишься. Не ссы, хуже уже не будет.

* * *

Солнце, прячась за рваными облаками, уже прошло свой зенит и теперь, так и не выбравшись из-за тонкой, но неподвластной пленки облаков, катило дальше в надежде найти брешь и осветить тихую землю. Коваль, Яков и Жмот разбирали хранящиеся в сарае ПР, снимая неповрежденные компоненты и монтируя их на рабочий ПР, который нет-нет да подсказывал, как лучше приладить ту или иную железку, тестировал ее движением и нагрузкой. Люди работали остервенело, сняв верхнюю одежду, смахивая пот, вытирая руки от графитовой смазки, и время от времени по очереди прикладывались к бутылке с водой. Часа через два, когда, умаявшись, они смотрели на почти готовый ПР127, вошел его величество Сагитай в сопровождении Зимы. В чистой броньке, начищенных берцах, при шлеме, при автомате, с отрегулированной разгрузкой, полной патронов, весь сам из себя и в полной комплектации, хоть сейчас на парад. Более того, свежее, выспавшееся, розовое лицо бойца с аппетитом жевало кекс, а во взгляде читалась легкая заинтересованность, но никак не желание вмешиваться в процесс.

– Ба! Какие люди! – искренне воскликнул Коваль и подошел к Сагитаю, обнял его, дружески похлопав по спине.

– Сага, дружище, – не менее тепло обнял и похлопал по спине Яков. Они впервые увидели друг друга за эти сутки.

– Сагитай, – раскинул руки Жмот, намереваясь приобнять его и продемонстрировать всю дружественность расположения.

– Ты-то чего? – придержал его рукой с кексом Сагитай. – Не надо.

Жмот вроде как сконфузился, но ненадолго.

– Здравия желаю! – раздался голос оператора.

– О! Овчинников! – поднял указательный палец вверх боец, остальными пальцами этой же руки продолжая держать надкушенный кекс. – И тебе не хворать, оператор. Как сам? – вполне довольный собой, Сагитай облокотился на столб, поддерживающий навес.

– Спасибо. Пока жив, – ответили динамики.

– А как наш круглый друг о восьми головах? Ходячая бородавка с глистами...

– Елки-палки! – раздался голос оператора, и было слышно, как он звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

– Что?

– Разрешите доложить! – четко по-военному громыхнули динамики.

Сагитай от неожиданности закашлялся крошками. Они с Яковым, конечно, и были профильными военными, но, от-

кровенно говоря, их шеф и ценил больше за то, что они меньше всего похожи на кадровых, как в подходе к делу, так и в мышлении. Коваль приподнял бровь и, вытирая руки тряпкой, подошел поближе к роботу и присел рядом на корточки, выравниваясь по уровню с говорящим, заодно и показывая, кто тут главный и кому надо докладывать.

– Докладывай, – разрешил он, глядя в глазок.

– Биотанк погиб не от голода, а от инъекции крови мертвеца. Через восемнадцать часов беспилотник зафиксировал, что биотанк распался на составляющие. Вероятно, физическая смерть наступила в течение трех часов после инъекции. Беспилотник показал резкое изменение температуры гнуса до пятидесяти градусов через три часа, а затем постепенное остывание в течение ночи.

Звон динамиков затих, и воцарилась тишина, в которой каждый смотрел на другого, сомневаясь в том, верно ли то, что он услышал. Первым пришел в себя Жмот.

– Ну, так это... тогда... – растерянно начал он.

Коваль резким движением поднятой руки прервал его бормотание.

– Ты видел, что биотанк развалился на части? – спросил он.

– Так точно!

– Почему сразу не сказал?

– Виноват... – оператор замолчал, чувствуя, насколько важную информацию они могли потерять, если бы с ними, с

их точкой что-нибудь случилось.

– Ладно. Хорошо, что вспомнил, – Коваль встал, его глаза лихорадочно блестели, усы снова топорщились. – Кровь Дока была? – спросил он одновременно у всех.

– Да, – ответил Сагитай.

– Хорошо, хорошо... сдается мне, тут не в Доке дело... – он поправил усы, стараясь прижать их обратно. Затем в его глазах появилась растерянность и удивление, и он посмотрел на Якова. – Так вы его, что... валдарнийца вдвоем оприходовали?

– Да нет... – смутился Яков. – Там еще робот был боевой. Не такой, как этот. Другой, как человек.

Коваль нервным движением полез в карман за сигаретами. В пачке осталась последняя. Усы снова распушились. Он нервно прикурил слегка трясущимися руками.

– Так, бойцы. Докладывайте мне. Чего я еще не знаю?

Минут сорок Сагитай и Яков рассказывали все, что видели с самого выхода из Москвы. Жмот и Зима стояли рядом. Если Зима спокойно слушал, иногда поглядывая по сторонам, то Жмот встал прямо за Ковалем и, раскрыв рот, ловил каждое слово. Глаза его светились восторгом и удивлением. Он несколько раз издавал сдавленные возгласы, хватал ртом воздух, чтобы спросить что-либо, но сдерживался, понимая, что Коваль может его попросту выгнать отсюда, чтобы он не мешал. Когда дело дошло до Лилит, рот открыл даже Зима. Он растерянно чесал щетинистый подбородок и ошарашен-

но переводил взгляды с одного бойца на другого. Когда же Яков показал на шрам от пули, точку входа и выхода, версию о том, что бойцы, наглотавшись колес, наловились глюков и положили два отряда альфа-гнуса, убрал даже Коваль, до тошно выпрашивающий все до мелочей, не пускаясь, однако, в какие-либо умозаключения. Историю со своего участка пути подтвердил также оператор, сухо, коротко по-военному отвечая на внезапные вопросы Ковалья. По окончании рассказа Коваль полез за сигаретами, которые у него закончились, на что Зима, опередив не пришедшего в себя Жмота, подал свои. Сталкеры угостились по сигаретке и замолчали, собирая мысли в кучу. Коваль, укутанный клубами сигаретного дыма, задумчиво поднес ко рту рацию и произнес в общий канал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.